

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

И ЖИЗНЬ МОЯ-

ВЕЧНАЯ ИГРА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

И жизнь моя – вечная игра

«ЭКСМО»

2008

Колычев В. Г.

И жизнь моя – вечная игра / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2008 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Тимофей Орлик – большой человек. Весь городок Заболонь в его руках, все схвачено, все под контролем. Потому как ведет он нескончаемую войну с конкурирующими бандами и с успехом отбивается от них. А ведь история повторяется. Много лет назад жид в Заболони далекий предок Орлика, который постоянно воевал с соседними князьками. Тогда был слышен посвист стрел, лязг мечей и звон кольчуг, а теперь – свист пуль да автоматные очереди. Вот и вся разница. Но того Орлика предала любимая, и попал он в полон. И у нашего Тимофея тоже есть любимая, которой он дорожит. Неужели старая история повторится снова...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Колычев

И жизнь моя – вечная игра

Пролог

Солнце светило и жарило так, что, казалось, выжгло все тени с улиц города. Но знойные лучи были далеко не так опасны, как ливни раскаленной стали из автоматических зенитных установок. Они обрушивались на дом, выносили окна, крошили, а местами даже дырявили стены. А с высоты соседних домов стреляли снайперы, пытаясь выбить из гвардейцев желание сопротивляться...

Июнь девяносто второго, спорный город Бендеры, усыпанный трупами перекресток улиц Первомайской и Калинина. Молдавские полицаи, румынские волонтеры против приднестровских гвардейцев, обороняющих дом в самом эпицентре боевых действий. Бронированные машины, «Шилки», орудия и минометы против двух десятков автоматов и нескольких «Мух».

Тимофей Орлик давно уже должен был быть у себя дома, в тихой и спокойной Рязанской области, пить водку и нежить баб в своей родной Заболони. Но ему было стыдно за больших начальников из русской армии, которые не решались помочь своим братьям-славянам, восставшим жителям Приднестровья. Поэтому после увольнения в запас он остался здесь, прикнуд к национальным гвардейцам непризнанной республики. И снова бой, и хлыстом щелкают снайперские выстрелы, свистят пули, рвутся мины. Тротиловая гарь и едкая кирпичная пыль застилают глаза. Дефицит боезапаса и переизбыток боевого духа. Враг не пройдет...

* * *

Лето тысяча сто сорок четвертого года от Рождества Христова. Невыносимая жара, пыльные бури, бескрайние степи Дикого поля. Одно утешение – река Днестр: глубокие широкие воды, прохлада и освежающий ветерок, яркая зелень пойменных лугов. Избавиться бы сейчас от железных доспехов, раздеться бы догола и с головой уйти в глубь речной воды. Нужда в том есть, но нет возможности. До реки рукой подать, но со стороны степей на крепостную твердыню надвигается половецкая орда.

Лохматые кочевники на шустрых лошадах, клубы пыли из-под копыт, гул, топот, крики. Но и русская дружина не молчит. Громко ударили бубны, взвыли трубы, засвиристели пищалки, загудели щиты под легкими набатными ударами мечей.

Заставу отстроили совсем недавно – ров еще не закончен, водой не залит, и ворота не успели укрепить. Но защитные стены достаточно прочные – толстые колья в два ряда, удобные и крепкие ярусы-помосты для стрелков и ратников. Кочевников раза в три-четыре больше, но их беда в том, что брать крепости они не приучены. Зато они превосходно пускают из луков зажженные стрелы и метают с руки горящие факелы. Они могут устроить пожар и сжечь заставу дотла.

Но половцев бояться – в степь не ходить. Русская дружина готова к бою. Лучники запустили в воздух тучу стрел, ратники закрылись щитами, ограждая себя от половецкого залпа.

Кочевники – меткие стрелки, их луки тугие, бьют далеко и сильно. Упал со стены один русский лучник, другой... Тимофей Орлик вовремя спрятал голову за щит, стрела просвистела рядом с левым ухом. Пронесло. Страха нет, уверенность в своих силах велика. Не первый год он в ратном деле. Глаз цепкий, рука быстрая и крепкая, меч острый, из булатной стали. Он не простой ратник, он гридь киевского воеводы. У него есть лук, в колчане стрелы с калеными

наконечниками, но стрелять ему нельзя – он обязан оберегать своего начальника, который стоит за его спиной, следит, как развивается сражение.

Воевода Третич со своей малой дружиной прибыл на заставу, чтобы усилить крепостную стражу. И прибыл вовремя. Только-только расположились, как появились команы – кочевники. Их много, но им не прорваться...

* * *

«Румыны» обстреляли дом из гранатометов, осыпали градом воющих мин, полоснули по стенам и окнам из «Шилки». Два зенитных снаряда влетели в оконный проем, возле которого, вжавшись в пол, лежал Тимофей – оба с визгом врезались в толстую плиту межэтажного перекрытия, попутно смахнув с потолка остаток люстры и выбив из него бетонную крошку. Острый маленький кусочек плиты больно царапнул ухо, но парень лишь облегченно вздохнул. Было бы куда страшней, если бы в комнату влетела осколочная граната. Но Бог миловал...

Артобстрел закончился, в бой пошла пехота. Какие силы противник бросил в бой, Орлик не знал. У него своя позиция, у него свой сектор обстрела, за который он в ответе. В армии он служил в мотострелковом полку, участвовал в межклубных соревнованиях по стрельбе. И если цель попала в прицел его автомата... Тра-та-та! Первый готов... Тра-та-та-та!.. Второй «румын» схватился за простреленный бок, осел на колено. Добить его Тимофей не успел – боевик залег под прикрытие высокого бордюра вокруг цветочной клумбы. Да и некогда заниматься им, в секторе обстрела новая цель...

Он уложил третьего боевика, когда краем глаза уловил блик оптического прицела. Снайпер на чердаке противоположного дома. Лежать бы ему на полу, остывая, промедли он хотя бы долю секунды. Но Тимофей успел убрать голову до того момента, как стрелок нажал на спусковой крючок. Пуля влетела в оконный проем, чиркнув по откосу, к которому он только что прижимался. Едва-едва от смерти увернулся. Другого бы на его месте хватил шок. Но Тимофея охватила боевая эйфория. Он уцелел, потому что еще не отлита для него пуля. Он остался жить, потому что нет на свете силы, способной загнать его в гроб. Зато сам он сильный и смелый. Он создан для войны. Или война создана для него...

Он выпустил в сторону снайпера короткую очередь. Уверенности в том, что цель поражена, не было. Поэтому Тимофей сменил позицию – перебрался в другую комнату на своем этаже. Свое прибытие отметил несколькими очередями. И перебрался на новое место, чтобы не примелькаться... Он стрелял из автомата, бросал гранаты, затем по требованию командира спустился вниз, чтобы отбить атаку прорвавшегося в здание противника. Вел огонь, падал, поднимался, снова в бой... Ему везло. Его друзья-товарищи гибли под пулями, а он оставался в строю до тех пор, пока вражеская атака не захлебнулась.

Бой закончился, гвардейцы победили. Он радовался этому, но подспудно ему хотелось продолжения. Еще не иссякла его энергия, еще не улегся азарт, еще сверкали яростно глаза. Трупы, кровь, разруха, но это всего лишь атрибуты войны – жуткой, но притягательной в своей страшной красоте...

* * *

Конные стрелки подожгли вышки и постройки в крепости, посекали стрелами лучников на стенах. Отступили. Но только затем, чтобы уступить место пешим воинам. Кочевники бежали на крепость с диким воем, который должен был придать им боевого задора, а врага обратить в панику. Тимофей лишь посмеивался в ус, глядя, как они бегут на приступ, размахивая саблями и щитами. Но улыбка сошла с его лица, когда он увидел в их рядах длинные приставные лестницы. Одна, вторая, третья... А говорили, что кочевники не умеют брать крепости...

Зажженные стрелы и горячий ветер в лицо, за спиной черный дым разгорающихся пожаров. Пешие половцы все ближе, на стену падает одна лестница, за ней другая. Воевода Третич не остается в стороне, бросается в бой. И вместе с ним в гущу сражения врывается и Тимофей Орлик. Широкий замах, стремительный рубящий удар, и меч срезает с плеч вражью голову. Колющим ударом он сносит с лестницы второго половца – светловолосого синеглазого комана, могучего телом и духом. Он искал победу, а нашел погибель. Так будет и с другими...

Враг уже на стенах, на верхних помостах в жестокой сечи звенят мечи и сабли. Враг теснит русских ратников, но там, где киевский воевода со своими гридями, там половцам раздолья нет, там рубят их гроздьями...

Тимофей бился до тех пор, пока не увидел, как забравшийся на вышку половец натягивает тетиву своего лука, направляя его на воеводу. Видно, что стрелок уверен в себе, вряд ли дрогнет его рука. А метит он в голову начальнику... Достать врага мечом Тимофей не мог, чтобы снять свой лук, не было времени. Поэтому пришлось закрыть воеводу своей грудью.

Добротная кольчуга, бронзовый нагрудник, казалось бы, стрела не может причинить вреда. Но каленый наконечник вонзился в железные кольца в узкий зазор меж нагрудными пластинами, пробил бронь, впился в плоть... Боли Тимофей не почувствовал, но голова закружилась так, что устоять на ногах он не смог. Пытаясь удержать меч в руке, он полетел вниз к земле. Меч был для него сейчас помехой, но никак не подспорьем. При ударе о землю он мог нанизаться на заостренное снизу яблоко рукояти. Но выронить меч из рук Тимофей не посмел. Настоящий воин умирает с оружием в руках...

Глава 1

Первые летописные упоминания о Заболони относятся к первой половине четырнадцатого века и свидетельствуют о том, что город был столицей мелкого удельного княжества, зависимого от Рязани. Впрочем, Тимофея Орлика мало волновало, сколько лет его родному городу. Главное, что он любил свою Заболонь. Каменный кремль с круглыми башнями, храмы с золотыми куполами, державные палаты, уютные старинные кварталы, чистые улицы, благожелательные люди... Таким он помнил свой город, когда уходил в армию. Но прошло четыре года, и все изменилось. Тот же кремль, те же храмы, но улицы грязные, народ какой-то нервный, раздраженный.

– Ну, чего встал посреди дороги! – набросился на него прохожий, аспидского вида мужичонка в старой болоньевой куртке и затрапезных штанах-трениках с раздутыми коленками.

Тимофей прошелся по нему невозмутимо-удивленным взглядом. Стоял ведь, никого не трогал, никому не мешал – на кремль смотрел, остроконечно вытянутыми башенками любовался. А тут такое...

– Давай в объезд, мужик!

Сам Тимофей находился в благодушном настроении. Поэтому даже в мыслях не возникло проучить мелкопакового злопыхателя. Но был он также далек и от того, чтобы посторониться.

– Что ты сказал?

Ни на йоту не сдвинулся с места Тимофей, но энергетическое движение его внутренней силы было настолько мощным, что мужичонка невольно попятился – из опасения быть раздавленным. Тявкнул как собачонка, но тут же сник, затравленно глянул на Тимофея, робко обошел его и был таков.

А Тимофей так и остался стоять. Непокрытая голова, темно-серый свитер с толстым воротом, камуфляжные штаны натовского образца, черные ботинки с высоким берцем, спортивная сумка, заброшенная за плечо. Свалянные русые волосы, широкоскулое славянского типа лицо, глубоко посаженные глаза, короткий нос, плотно сдвинутые губы. Рост метр семьдесят, обхват плеч в маховую сажень, сильные руки, длинные выносливые ноги.

Домой он мог вернуться еще два года назад. Но после дембеля остался в Приднестровье, а затем ветер военной романтики унес его в Боснию, где он воевал на стороне сербов. Навоевался. С богатым боевым опытом и парой-другой тысяч дойчмарок вернулся домой. Здесь его ждут родители, здесь его ждет младшая сестра. И с друзьями бы он хотел повидаться. Сколько лет прошло, сколько зим...

Родители его работали на станкостроительном заводе, отец – фрезеровщик, мать – кладовщица. Не самые большие люди на производстве, и ценность их измерялась двумя комнатами в рабочей общаге, в которой они прожили всю свою семейную жизнь. В эту общагу и возвращался Тимофей.

Пролетарский район, окраина города, рабочие кварталы – пятиэтажные кирпичные дома вперемешку с мрачно-серыми коробками общежитий. Черно-белый колорит. Но Тимофей не унывал. После разрухи, которую он повидал в Боснии, родные кварталы казались ему райским уголком на грешной земле.

Знакомый магазин с листом железа в витрине вместо стекла. Каким помнил его Тимофей, таким он и остался. Компания забудыжных работяг со счастливыми лицами – у мужиков есть бутылка, и ничто не помешает им распить ее в заброшенном сквере у оврага. Ничто не помешает – ни мусульманская пуля, ни случайно залетевший снаряд. Тихо здесь, бестревожно. Но именно это и смущало Тимофея. Совсем недавно он так хотел безмятежного спокойствия, а сейчас оно уже угнетало его.

Общежитие завода, первый этаж для холостяков – здесь пост вахтера. Но смотрит служитель и за теми, кто следует на второй и третий этаж.

– Молодой человек, вы куда?

Тимофей остановился, с меланхолической улыбкой глянул на посмевавшую побеспокоить его женщину. Под сорок лет, бабский платок на плечах, старая выцветшая кофта с расходящимися пуговицами. Слегка расплывшаяся фигура, большая грудь, полноватое, но приятное лицо, щеки в едва заметных сизых прожилках. Большие зеленоватые глаза – выразительные и привлекательные, и пахнет от нее хорошо.

– Домой, – нехотя сказал он. – Я с родителями здесь живу. На втором этаже. Орлик моя фамилия. Тимофей зовут.

– Орлик, Орлик... – задумчиво проговорила женщина. – Да, кажется, есть такой...

– Я пошел?

– Да, пожалуйста... Она повернулась к нему спиной, но Тимофей ее остановил.

– А вы давно здесь работаете? – мягко, но без намека на искательные интонации спросил он.

– Год уже.

– А зовут как?

– Марина Евгеньевна. А что?

– Замужем?

– Ну ты, парень, даешь!

Тимофей внимательно посмотрел на нее, и на фоне возмущения заметил проблески интереса к себе.

– Значит, не замужем... Давно я здесь не был, забыл все. Ночью приду к тебе, расскажешь, что здесь да как...

– Приходи. А я милицию вызову! – съязвила она.

Но Тимофей и ухом не повел. Казалось, он уже и забыл о существовании этой женщины. Повернулся к ней спиной и поднялся на второй этаж.

Он знал, как нужно вести себя с женщинами. Грубить им ни в коем случае нельзя, но еще страшней – заискивать перед ними. У женщин первобытный нюх на слабости мужчин – стоит ей почувствовать хотя бы одну из них, как тут же где-то в глубинах ее сознания вспыхивает инстинкт порабощения самца. Если, конечно, самец ей нравится. Тогда она самопроизвольно включается в хитрую игру, чтобы подчинить себе мужчину. И это в лучшем случае. А в худшем, если самец не пришелся ей по нраву, в ней запускается механизм отторжения. Инстинктивно почувствовав свое превосходство над мужчиной, она без всякого зазрения совести дает ему от ворот поворот, возможно даже, в нецензурной форме. А если самец сильный, если он умеет подчинять себе людей, то женщина невольно потянется к нему. И тогда делай с ней, что хошь. Но только осторожно, чтобы не переборщить. Женщины ведь народ непредсказуемый... Так учил Тимофея его друг и командир Лешка Зацепин. А уж он-то в свои тридцать пять годков знал толк в женщинах. И к гордым сербиянкам подход сумел найти, и Тимофея за собой повел – на женщин, по минному полю ошибок и разочарований. Были у него победы на чужой земле, но случались и поражения, на которых он учился...

Дверь в комнату родителей была заперта. С работы еще не вернулись. Но сестра должна быть дома. Школа у нее до обеда, сейчас, наверное, уроки делает... Тимофей остановился как вкопанный. Улыбнулся про себя. Какие уроки? Надя еще в прошлом году закончила техникум. Она уже совсем взрослая девушка... Дверь во вторую комнату также была на замке. Но у Тимофея ключ от нее. Четыре года его при себе держал – и как талисман, и как напоминание о доме. Это их общая комната. В тесноте жили, но не в обиде.

Замок в двери был прежним – ключ легко провернулся в нем. Но обстановка в комнате слегка изменилась. Шкаф плотно примыкал к стене, в то время как раньше он разделял ком-

нату на две половины – на мужскую и женскую. Две кушетки – одна против другой. И обе застелены бельем. На спинке одной розовое полотенце, на другой – голубое. Две пары тапочек у дверей, женские, маленького размера. На тумбочках всякие женские штучки – заколки, расчески, платочки с цветочками. Похоже, Надя жила в комнате не одна, и явно не с мужчиной. Судя по всему, кровать, которая по праву принадлежала Тимофею, пользовалась какая-то женщина. Впрочем, это ничуть его не расстроило. Главное, что он дома, и на улице ночевать не придется. Хотя он мог бы и на улице, прямо на земле. Апрель месяц на дворе, снег уже сошел, дождей нет – сухо.

Но лучше, конечно, спать на теплой кровати. Можно поверх покрывала. Можно прямо сейчас... Тимофей сначала сел на кушетку, затем уложил голову на подушку. Засыпая, подобрал под себя ноги...

Проснулся он от толчка в плечо. И тут же над ухом сиреной взвыл женский голос.

– Тимоха приехал!

Это была Надя. Глаза радостно блестят, улыбка до ушей. Высокая прическа с длинными завитушками, длиннющие ресницы, ярко накрашенные губы. И одета она эффектно: белая блузка с кружевным жабо, кофейного цвета юбка – чуть выше колен, но такая узкая, что, казалось, вот-вот лопнет на бедрах. Позади нее, у дверей стояла незнакомая девушка. У этой волосы прямые, тяжелой светло-русой чапрой ниспадающие до самых плеч. Хорошенькое личико, красивые золотисто-оливковые глаза, миленькие пухлые губки. Фигурка на загляденье – худенькая, но полногрудая, ножки тонкие и длинные. Такая же белая блузка, но без кружевного антуража, юбка покороче, но не узкая и плиссированная. Если бы незнакомка вдруг взяла сейчас да развернулась вокруг своей оси, юбка бы раскрылась на ней как зонтик, ножки бы обнажились по всей длине. Но девушка и не думала кружить по комнате. Она смотрела на Тимофея, и не без интереса.

– Тимоха! Ну наконец-то!

Надя повисла у него на шее. Затем схватила свою подругу за руку, подвела к нему.

– Знакомьтесь! Тимоха, это Лада. Лада, это Тимоха, мой брат.

– Очень приятно, – мило улыбнулась девушка.

И неожиданно для него подала ему руку. Он растерялся, потянулся к ней с опозданием, когда она вернула руку в исходное положение. Ему бы остановиться, но он как тот дурень продолжал движение. Лада торопливо убрала руки за спину, опасливо отступила на шаг.

– Э-э, извините. Это я спросонья, – виновато, укоряя себя за неловкость, сказал Тимофей.

– Ничего, бывает, – улыбнулась она.

Но интерес к его персоне заметно в ней поубавился. Похоже на тот случай, когда в женщине, заметившей слабость мужчины, включился механизм отторжения, а не порабощения.

– А где мать с отцом? – спросил он, чтобы отвлечься от Лады.

– Скоро будут... А ты давно приехал?

– Да нет. Вот, спать завалился...

– Лада, ты уж его извини! – обращаясь к подруге, улыбнулась Надя.

– За что? – пожал плечиками девушка. – Это ж его кровать...

– Но белье же твое.

– У меня еще комплект есть. Я к себе пойду, ладно?

– Ну иди. Только недолго. Мы сейчас стол накрывать будем, приходи.

Лада ушла, тихонько прикрыв за собой дверь.

– Куда она?

– К себе. Она на первом этаже живет, комната у нее там...

– Холостячка?

– Ну да... Но ты же видишь, она хорошенькая, а там же не только женщины, там больше мужиков. Петр Васильевич попросил меня к себе Ладу взять.

- Кто такой Петр Васильевич?
- Директор завода. Богатов Петр Васильевич. Ты, может, его и не знаешь, он только в прошлом году директором стал.
- И он тебя за Ладу попросил?
- Да, меня. Она у него в приемной сидит.
- Секретарша?
- Ну да... И я тоже секретарша. Только не у него, а у главного инженера.
- Разве главному инженеру положена секретарша?
- Раньше нет, сейчас да.
- Барствует начальство.
- Пусть барствует. Зато нам квартиру, может быть, дадут.
- И что для этого надо? – Тимофей подозрительно глянул на сестру. На какое-то мгновение она ступевалась, опустив к полу глаза.
- Хорошо работать, вот что для этого надо!
- И снова на ее смазливом личике играет задорная улыбка.
- А Лада как работает?
- Тоже хорошо... А что?
- Да так, ничего.
- А мне кажется, чего! Что, понравилась?
- Тимофей уклонился от ответа.
- Мне бы душ принять. А ты бы в магазин сбегала, ну, если стол накрывать.
- Он вручил сестре мятую купюру достоинством в сто немецких марок.
- Ух ты! Богато живешь!.. На сверхсрочной что, в инвалюте платят?
- Платят. Но не всем.

Ни сестра, ни родители не знали, что за служба у него была последние два года. Он писал им, что на сверхсрочную остался. Сначала другу-контрактнику в свою бывшую часть письма слал, а тот уже пересылал их в конвертах со штемпелем приднестровской почты.

- Если такой богатый, то жениться надо, – поддела его Надя.
- И женюсь. Когда время придет.
- А когда оно придет?
- Когда работать устроюсь.

До армии он закончил техникум, полгода успел отработать на заводе. Но не очень-то хотелось сейчас возвращаться к той прежней жизни. Шумные цеха, жужжащие станки, всю смену на ногах, не покладая рук. Норма большая, а зарплата маленькая. Да и не в деньгах дело. Работа нудная, никакой романтики, сам ты – ноль без палочки, а над тобой начальников целая лестница, один другого выше. И все, кто вокруг тебя и даже выше, – слабаки. Так и самому слабаком стать недолго...

– Так устраивайся. Я со своим шефом поговорю, он тебе хорошую работу подыщет. Мастером в цех пойдешь...

Тимофей промолчал. Не хотелось ему говорить о работе, скукой смертной от этой темы веяло.

В общежитии не принято было праздновать в узком семейном кругу. Возвращение из армии – событие важное. Поэтому стол накрыли в бывшей ленинской комнате, Тимофей пригласил всех соседей из тех, кого знал.

За столом мама сидела рядом с ним, держала его под руку, радуясь тому, что он рядом. Отец безудержно возглашал тосты, торжествующе посматривая на сына. Он видел в нем своего преемника, продолжателя трудовой династией Орликов. Жаль, что Тимофей сам себя в этом образе не видел. И все равно было весело, водка лилась рекой. И закуси было вдоволь. Оказы-

вається, в стране уже прошла эпоха дефицита. Были бы деньги, а купить можно все, что душе угодно. А деньги у Тимофея были... Пока были...

Среди гостей была и Лада. Она скромно сидела рядом с Надей. Почти не пила, на Тимофея старалась не смотреть. Она думала о чем-то своем, далеком от него. Он не был источником ее волнений, а мог бы им стать, не прояви слабость в момент знакомства. Понапористей нужно было быть, понаглее. Но, может, еще не поздно все исправить...

Тимофей пил на равных со всеми, но пока не пьянел. Хмель только-только начал обволакивать сознание, когда Лада вышла из-за стола. И Надя потянулась за ней. Он также поднялся со своего места, нагнал их в коридоре.

– И далеко вы собрались? – стараясь не смотреть на Ладу, спросил он.

– Да пойдем вниз, к Ладе, а что? – иронично сощурилась сестра.

– Ну, вы же мои гости, я должен владеть обстановкой, – пожал плечами Тимофей.

– Я думала, ты к нам хочешь присоединиться.

– Ну, может, и хочу.

Тимофей чувствовал себя не в своей тарелке. Ему бы твердости побольше, но в присутствии Лады вся его решимость размягчалась, как парафиновая свеча в горячем цеху. И еще его смущал ее взгляд – она смотрела на него без возмущения, но в глазах угадывались нотки протеста. Она не хотела, чтобы он шел к ней в комнату.

– А гости? Ты же должен владеть обстановкой, – покачала головой Надя.

Похоже, она тоже поняла, что Лада отвергает его.

– А я к ним вернусь. Перекурить выйду, и обратно.

Для перекуров на этаже был балкон. Но Тимофей решил спуститься вниз. Погода на улице хорошая, лавочка у входных дверей стоит – посидеть на ней можно. Посидеть и подумать, как быть ему с Ладой – выкинуть ее из головы или попробовать добиться ее расположения.

– Я бы тоже покурила, – смущенно посмотрела на него Надя.

– Разве ты куришь? – удивился Тимофей.

– Сейчас все курят. Кто-то больше, кто-то меньше... Лада, ты как?

– Да можно, – флегматично кивнула она.

– Тогда без тебя, братец, нам не обойтись. Охранять нас будешь. Оденься потеплей.

Девушки сходили за куртками, а Тимофей так и остался в одной рубашке. Он человек закаленный, к холодам и другим непогодам привычный.

Ему не понравилось, что Надя и Лада курят, но импонировало то, что они не афишируют это свое увлечение. Могли бы закрыться в комнате и надымить в свое удовольствие. Но у них, оказывается, было свое укромное местечко на свежем воздухе, где они курили, не привлекая к себе внимания. Это был знакомый Тимофею детский садик. Когда-то он и сам сюда ходил – в беседках темными вечерами попивал пивко с друзьями, а иногда и косячок там же по кругу ходил.

Только Надя и Лада вышли из общежития, как дорогу им преградили два молодых парня – слегка бритые и до синевы пьяные. Замухрышистого вида, но наглые и бесцеремонные.

– Привет, секретутки! – «обласкал» девушек один из них.

– Вот сволочь! – возмутилась Надя.

Она была уверена, что брат ее защитит.

– Что ты сказал, окуроч?

Тимофей обогнул сестру, вплотную подступил к обидчику. Он должен был проучить этого грубияна. Тогда, глядишь, Лада потянется к нему. Все женщины любят сильных мужчин, и она не исключение.

Но Тимофей не рассчитал своих сил. Ему бы поунять свой пыл, но его натиск оказался чересчур пугающим. Потому наглец очень быстро осознал свою ошибку и подался назад, отступив на безопасное расстояние.

– Извини, брат, дурака сваял!

И его дружок отступил вместе с ним. Сила энергетического воздействия, которой обладал Тимофей в минуты гнева, перекинулась и на его слабую душонку.

– Еще раз что-нибудь такое услышу, прибью обоих!

На этом разговор был закончен. Нашкодившие слюнтяи растворились в густых сумерках наступающего вечера, а Тимофей повел девушек по знакомой дорожке к детскому саду. Надя взяла его под руку с правой стороны, Лада осталась с левой, но примеру своей подруги не последовала. Но Тимофей не растерялся, он сам взял ее за руку. И она оставила свою маленькую ладошку в его могучей пятерне.

– В морду надо было этому скоту дать! – сказала Надя.

– Не знал, что ты у меня такая кровожадная, – усмехнулся Тимофей.

– Если секретарши, то что, сразу секретутки!

– Неправда это, – покачала головой Лада.

Тимофей с досадой почувствовал, как ее ладошка выскользывает из его руки.

– Говорю же, в морду ему надо было дать, чтобы языком не болтал.

– Это камень в мой огород? – нахмурился он.

– Да нет... Просто говорю...

– А не мог я его ударить. Не мог.

– Почему?

– Потому что он слабак. И его дружок такой же.

– Сильный не может обидеть слабого?

– Не может.

– А ты сильный? – с интересом посмотрела на него Лада.

Тимофей молча пожал плечами. Это ей самой решать, сильный он или слабак.

В садик они проникли через пролом в заборе, устроились на низкой скамейке в детской беседке. Он хотел, чтобы Лада села рядом с ним, но она заняла место возле Нади, по другую руку от нее.

– И давно ты секретаршей у этого... Петра Вадимовича работаешь? – чтобы хоть о чем-то поговорить, спросил он.

– У Петра Васильевича, – поправила его Надя. – Только у него Лада работает, а я у Юрия Александровича в приемной...

– Да какая разница?

– Ну, для тебя нет, а для меня есть... С прошлого года работаю, сразу после техникума к нему попала.

– Ты у меня девочка красивая... Он хотел польстить сестре, но добился обратного эффекта.

– Ну и зачем ты это сказал? – раздраженно поморщилась она. – Как будто только красивых в секретарши берут? Как будто голова не самое главное!

– В нашем деле голова важнее, – поддержала ее Лада.

В ее словах звучал укор, обращенный не только к нему, но и ко всем, кто был не самого лучшего мнения о секретаршах.

– Да я не спорю.

– Ты-то не споришь, а другие думают, если секретарша, значит, с начальником спишь, – мрачно усмехнулась Надя.

– А это совсем не так, – покачала головой Лада.

Она не оправдывалась, она всего лишь констатировала факт.

Первой со своего места поднялась Надя. Вышла из беседки, каблуком полусапожка сделала небольшую ямку в песке, бросила туда наполовину выкуренную сигарету. И Лада туда же кинула свой бычок.

– Погоди!

Тимофей остановил сестру, собравшуюся было закопать окурки. Присоединил к ним свой окурочек. И уже сам сравнял ямку с землей.

– Ритуал прямо какой-то, – усмехнулась Надя. – Торжественные похороны в братской могиле.

– А это чтобы мы долго жили, – сказал Тимофей.

– Ага, все вместе. И одной семьей.

– Ну, можно и так.

– Слышишь, Лада, он жениться на тебе собрался.

– Слышу, – без всякого воодушевления кивнула девушка.

– А может, и женюсь.

Тимофей остановился, повернулся к Ладе и пристально, по-мужски твердо посмотрел на нее.

Она смутилась, молча отвела в сторону взгляд. Ей не понравилось, как он на нее смотрел. И вообще, она была не прочь избавиться от его присутствия. Все больше убеждался он, что с Ладой ему ничего не светит. Но чем запретней плод, тем он желанней. Самолюбие требовало от него победы над нею.

Они подходили к общаге, когда на пути снова возникла преграда. На этот раз парней было трое. И своим видом они внушали не в пример большее к себе уважение, нежели недавние работяги-заблюдки. Все трое как на подбор крепкие и в хорошей физической форме. Бритые головы, кожаные куртки, просторные джинсы, боты с широкими коваными носками. Они не наглели, не хамили, но их чрезвычайная уверенность в своих силах не вызывала никаких сомнений. И не обратить их в бегство так легко, как это было с недавним противником.

Было уже темно, и в тусклом искажающем свете уличного фонаря эти молодцы казались чуть ли не великанами. Но Тимофей ничуть их не боялся. Даже намек не было на предательский мандраж в руках и ногах. Он давно научился справляться со своим страхом, а война и вовсе сделала его бесстрашным. Говорят, что смерти не боятся только сумасшедшие, но Тимофей мог позволить себе не соглашаться с этим утверждением. Если он и боялся чего-то в бою, то лишь поражения.

Один из троицы – по всей видимости, главный – подошел к Ладе, мягко, но властно взял ее под руку. Метнув на Тимофея неприязненный взгляд, спросил:

– Куда ты ходила?

– Покурить.

Голос ее звучал робко, но взгляд сиял – хоть и не самым ярким светом, но все же. Похоже, к этому парню она питала более чем просто теплые чувства. Тимофею стало не по себе. Ревность холодной рукой схватила за горло.

– А это кто? – глянув на него, спросил парень.

Высокорослый, плотный в плечах, ухарское выражение некрасивого лица, подавляющая энергетика внутренней силы. С таким противником не стыдно было бы схлестнуться в жестком бою.

– Тимофей. Надин брат, – сказала Лада.

– А-а... Надюха, привет!

Казалось, парень только сейчас заметил Надю. Нехотя улыбнулся ей, вяло махнул ей рукой. А к Тимофею потерял всякий интерес.

– Здравствуй, Захар, – робко отозвалась Надя.

Но парень уже не смотрел на нее. И ухом не повел в ее сторону.

– Ну что, прокатимся?

Тимофей передернулся от возмущения, когда Захар провел рукой по задним выпуклостям Лады, легонько сжал их, подталкивая ее к машине, стоявшей неподалеку. Это был «БМВ»,

как минимум, пятой серии. В Боснии ему доводилось ездить на такой машине. Мечта любого мужчины. И приманка для девушек...

– Поехали, – легко согласилась Лада.

Тимофей закусил губу. Девушка не была связана с ним никакими обязательствами, но все равно голос его разума возмущенно кричал, что его предают.

– Эй, постой!

Лада не принадлежала ему, он не имел права останавливать ее. Но это было свыше его сил – стоять и смотреть, как ее увозит какой-то счастливчик.

– Чего тебе? – остановившись, резко развернулся к нему Захар.

– Ничего, – заискивающе-виновато улыбнулась Надя.

И крепко вцепилась Тимофею в руку. Но не смогла его остановить.

– Езжай сам, а Ладу оставь в покое!

– Это ты мне? – удивленно и вместе с тем угрожающе вскинул брови Захар.

– Да, тебе. Она не хочет с тобой.

– Ты кто такой?

Он сделал шаг по направлению к Тимофею, но Лада взяла его за руку, не позволяя идти дальше.

– Это Тимофей. Он из армии вернулся. Пьяный он, не видишь?

– Да вижу, – усмехнулся Захар. И пытливо глянул на нее. – Ты хочешь со мной ехать?

– Да. Поехали.

Теперь она сама тянула его к машине. Но Тимофей уже не мог остановиться.

– Я сказал, стоять! – грозно рыкнул он.

И снова Захар развернулся к нему лицом. И так посмотрел на него, что стало ясно – слов больше не будет. И его дружки двинулись на Тимофея.

Они ударили разом – один под правым углом, другой под левым. Тимофей сумел блокировать первый удар. Под кулак он подставил свой лоб – но все равно его потрянуло так, что казалось, глаза поменялись местами.

– У-е! – отпрянул назад парень с отбитым кулаком.

Но тут же ударил ногой – прямой в живот. И это была добавка к удару, который нанес Тимофею его дружок.

Трудно было удержаться на ногах после таких примочек, но не зря Тимофей тренировал себя на гражданке, совершенствовал себя в армии, проходил проверку на прочность в жарком горниле двух войн. Он сумел устоять, перегруппироваться и ответить мощным выпадом в сторону врага. Один крепыш пошатнулся, схватившись двумя руками за горло, смятое сильным и точным ударом. Но его тут же сменил сам Захар. И ударил Тимофея в нос с такой силой, что на какие-то мгновения он потерял сознание. Очнувшись, увидел еще один летящий в него кулак. Увернуться он не успевал, поэтому все-таки оказался на земле. Поднимаясь, каким-то чудом сумел заблокировать чью-то ногу, метившую ему в голову.

Поднялся, слабеющей рукой ударил Захара в челюсть. Но этим только еще сильнее разо-злил его. И снова град ударов обрушился на него. Тимофей отбивался, бил в ответ, понимая, что против троих неплохо тренированных бойцов ему не устоять.

Однажды ему приходилось воевать на танке. Он находился в башне. Машина вошла в город и попала в западню, по ней били из гранатометов, но активная броня отлично справлялась со своей задачей. Кумулятивные гранаты взрывали коробки динамической защиты, не причиняя основной броне особого вреда. Но каждый раз ощущение было таким, будто на голову опускалась кувалда. Танкист-наводчик не смог выдержать такого испытания – выжил, но тронулся умом. Да и сам Тимофей еще долго приходил в себя после такой карусели.

И сейчас ему казалось, что находится он в том самом танке, а башню сотрясают снаряды. Его били в голову, в живот, он падал, но всякий раз поднимался назло и на удивление врагу...

– А ну прекратите! Я уже милицию вызвала! – откуда-то из параллельного мира донесся до него женский голос.

– Хватит с него, поехали! – крикнул Захар.

И, огладив рукой опухшую скулу, направился к машине. Сгреб по пути в охапку оторопевшую Ладу. Его дружки последовали за ним.

– Что с тобой, парень?

Сквозь красную пелену перед глазами проступили очертания женского лица. Знакомые черты.

Это была Марина Евгеньевна, вахтерша с первого этажа. Появилась и Надя, она вела за собой целую ватагу мужиков, пожелавших вступить за Тимофея. Догадалась-таки сбегать на второй этаж, поднять соседей. Но было уже поздно: враг убрался восвояси. И Тимофей не пытался тешить себя иллюзией, что это было позорное бегство. Это было всего лишь тактическое отступление после одержанной победы. Над ним победы...

Тимофею обидно было осознавать, что он потерпел поражение на глазах у Лады. И если бы он мог плакать, он бы пустил сейчас горькую слезу.

– Спасибо тебе...

Дрожащей рукой он погладил Марину Евгеньевну по плечу.

– Спасибо всем...

Обвел своих заступников благодарным взглядом поверх набухающих мешков под глазами. И, поддерживаемый сестрой, побрел к себе. Больно было идти, голова кружилась, когда он поднимался по лестнице.

– Может, «скорую» вызовем? – спросила Надя.

– Только попробуй.

В коридоре он встретил вдрызг пьяного отца. Одной рукой тот держался за стену, а другой махал ему. Мать стояла за ним, тоже в изрядном подпитии. Со спины отца обнимает – то ли его поддерживает, то ли сама боится упасть.

– Сынок, все в порядке?

– Как обычно...

Он кивнул Наде в сторону родителей, пусть ими занимается, а то ведь не дойдут до своей комнаты, упадут, где стоят. Но сестра сначала привела его в свою комнату, уложила на постель, и только затем оставила его. Но скоро вернулась. Приложила к синякам лепешки мороженого мяса.

– Это дело, – вымученно улыбнулся он.

Сильно болел распухший нос, но Тимофей был далек от того, чтобы обращаться за помощью к эскулапам. Сколько раз его с не меньшей силой били по носу, и ни разу не было перелома. И зубы все целы на удивление. Ребра болят, но и там вроде бы без перелома... Вот израненную душу бы он полечил. Но нет с ним Лады, некому его утешить. Да и не стала бы она этого делать. Он же для нее никто.

– Нашел с кем связаться, – попеняла ему Надя.

– С кем?

– Ты хоть знаешь, кто такой Захар?

– Уже знаю.

– Не знаешь... Бандит он, ему все в нашем районе платят. Да что в районе. Ему сам директор завода платит...

– Рэкет?

– Ну, вроде да... Даже не знаю, что с тобой теперь будет.

– А что, еще ничего не было?

– Было. Но это цветочки. Если он всерьез за тебя возьмется, тогда на похороны придется собирать... Уезжать тебе отсюда надо.

– Куда?

– А куда хочешь, лишь бы от греха подальше. А если он о тебе забудет, то вернешься...

– Если забудет, я ему напомню, – усмехнулся Тимофей. – Он сильный. Но и я не слабак.

Сломается его коса о мой камень...

– Ну что ты такое говоришь? Я же видела, как они тебя...

– Их трое было, а я один...

– Трое? Да у него бригада человек двадцать. И оружие у него есть. Только и слышно, что стреляют. И тебя застрелить могут, это у нас проще простого...

– И его тоже застрелить могут.

– Кто?

– Да есть человек... Ты мне расскажи, что у Лады с ним?

– Что-что... Не знаю... То есть знаю, но не уверена... Она же секретаршей у директора завода. А Захар к нему ходил, глаз на нее положил. В ресторан ее приглашал, но так туда с ней и не сходил. Пропал куда-то. Теперь вот объявился... И в ресторан с ней теперь сходит в постель... Повезло Ладе, – задумавшись, сказала Надя.

– Повезло?

– Захар даром что молодой, денег у него столько, что нам и не снилось. Говорят, он одной своей любовнице квартиру купил. И Ладу осчастливить может...

– Она что, из-за квартиры с ним хочет?

– Хочет?.. Ну, может, и хочет... Но не из-за квартиры... Нравится он ей...

– Откуда ты знаешь, что нравится?

– Оттуда и знаю, что сама мне говорила.

– А про меня что говорила?

– Ничего... А что она могла про тебя сказать, если она только сегодня тебя увидела.

– Сегодня увидела, завтра забыла... Не нравлюсь я ей.

– Ну, не нравишься, и что? Других девчонок, что ли, мало? Не такая уж красивая она, чтобы по ней сохнуть... У меня знакомая одна есть, вот настоящая красавица. Хочешь, познакомлю?

– Не хочу... Ничего не хочу...

– Забудь о ней, легче станет.

– Забуду... Сам забуду...

Что ни говори, а Надя была права. Если Лада и запала к нему в сердце, то еще не успела засесть глубоко. Клин клином вышибают, а занозу занозой. Может, познакомившись с Надиной знакомой, он в нее влюбится, а о Ладе забудет... Но не тот у него сейчас вид, чтобы с кем-то знакомиться. Лицо разбито, чтобы все в норму пришло, время нужно. А вот к Марине Евгеньевне можно прямо сейчас пойти. Глядишь, и утешит.

Тимофей взял бутылку водки, откупорил ее, ополовинил в один присест.

Марина Евгеньевна сидела в своей каморке. Увидела его, замороженно улыбнулась.

– Какой красавец!

Если она и смеялась над его внешностью, то совершенно беззлобно. И сама вся такая теплая, пушистая и уютная.

– Какой-никакой, а весь твой.

Он решительно закрыл за собой дверь, повернул ключ в замочной скважине.

– А тебе не кажется, что это слишком? – игриво укорила его женщина.

– Показать тебе, что такое слишком? – спросил он мягко, но дерзко.

Обласкал ее таким же мягким, но не допускающим никаких возражений взглядом и напористо уложил на кушетку.

– Ну, ты нахал, – расслабленно закрывая глаза, пробормотала она.

Нужно было быть полным кретином, чтобы расценить эти слова как оскорбление. Это был комплимент, который подействовал на Тимофея как щелчок кнута. Распалившись и распоясавшись, он погнал коней во весь опор... И ему не было никакого дела до какой-то там Лады...

Глава 2

Марья мягко обвила руками его шею, нежно прильнула щекой к могучему плечу.

– Ты куда собрался, свет мой ясный?

Хорошая она баба, но не люба она Тимофею. Да и блудливая. Добрая, сладкая, но в сраме как свинья в грязи. Уходить от нее надо, за уши себя из этого болота вытаскивать, а то ведь и пропасть можно.

Он уж и не помнил, сколько времени провел в хмельном дурмане и в разгуле непотребных страстей. Помнил только, что дня три поддавал в кружале у кривого Агафона, там же сошелся с распутной вдовой, с ней ушел в ее лачугу, там и озоровал, чередуя любовные утехы с горячительными возлияниями. И о доме своем забыл, и о своей зазнобе, которую увел у него злой боярин...

Сколько лет воевал он под знаменами киевского князя. И сколько бы еще ходил на рать по зову Всеволода Ольговича. Но умер великий князь, и отошел его стол к брату Игорю. А через тринадцать дней киевляне призвали на великое княжение внука Мономахова Изяслава Мстиславовича. В битве под стенами Киева войско Игоря было разбито, сам он бежал, но был найден, заточен в темницу. Тимофей тоже бился в этом братоубийственном сражении. И вместе со своим князем и воеводой потерпел поражение. Дрался до последнего, не побегал, хотя и была возможность. Был посечен мечами, исколот копьями и стрелами, но спину врагу не показал. Его взяли в полон, но казнить не стали – отпустили с миром в родные края.

А родные края его были здесь, в Рязанской земле. Еще в раннем отрочестве судьба занесла его в далекий Киев, и вот, по прошествии множества лет, он снова вернулся в свою родную Заболонь. Отца на охоте задрал медведь, младший брат утонул в реке – перевернулся в ладье и, запутавшись в неводе, пошел на дно. Мать и сестры жили в землянке, бедствовали. Они уже и не чаяли увидеть Тимофея живым. А он вернулся, осчастливил родных. Оставалось у него от княжьей милости несколько гривен золота, взял он лес, поставил избу на самом берегу Оки, купил скотину. Собрал приданое для старшей сестры, вознамерился подготовить к замужеству и младшенькую. Не могла нарадоваться на него мать. А он продолжал трудиться в поте лица, пока не повстречал красну девицу Ладу. Но не сложилось у них. Забрал красу змей-боярин, увез ее в свои хоромы – на коня своего белого поднял, так в обнимку с ней и ускакал. Закручинился Тимофей, хлебнул браги, пошел на двор к боярину Захару, но по пути столкнулся с его воями, схлестнулся с ними в неравном кулачном бою. Он бил, его били, и непонятно, кто кого победил. А раз непонятно, значит, нужно найти истину, а она, как говорят пропойцы, киснет в браге.

И зашел Тимофей в кружало, и закружило его... Только сегодня и появился просвет перед глазами, задумался он, не пора ли остановиться. На славу повеселился с вдовой, но пора и честь знать. Да и резанов кот наплакал. Гривны же остались только в памяти. Нет у него больше денег, не на что больше гулять. Домой надо идти, к матери, к сестрам. Корова молоко дает, зерно в закромах есть – как-нибудь бы и прокормились. Но «как-нибудь» не для Тимофея. Хватит с него, отдохнул на вольных хлебах, пора и за большое дело браться.

В дружину к Захару думал податься, но после того, как тот Ладу к себе забрал, расхотел служить ему. К другому боярину пойдет, к Елизару, что в соседнем Терлеце сидит. У него и город побогаче, и владений поболее, и дружина покрепче. Сам рязанский князь Глеб Ростиславович почитал за честь испить с ним чарку-другую. И все потому, что побаивался его. А кого бояться, тех уважают...

Тимофей тоже хотел, чтобы его уважали. Еще больше желал, чтобы Лада его любила. Но пока не за что его уважать. Есть в нем сила, но ничем он еще себя не проявил, не показал свою удаль молодецкую... А покажет, обязательно покажет. Боярин Елизар, говорят, в набег

на мордовские земли собрался, вот где можно отличиться, опять же добычей воинской поживиться. А там князь рязанский воевод своих к себе призовет, на Муром всю рать свою поведет. И там Тимофей покажет себя, возвысится, глядишь, надел земли большой во владение получит... Лучше, чем в Киеве в своем родном краю жить будет...

– Никуда не пуцу!

Марья попыталась удержать его, но тщетно. Тимофей повел могучими своими плечами, высвободил руку.

– Ты, баба, место свое знай, – беззлобно, но жестко сказал он. – И меня к себе привязывать не смей.

Домой Тимофей шел мимо боярского двора. Посматривал на высокий тройной частокол ограды, на крыши красавцев-теремов, на обитые железом ворота. Посматривал и спрашивал себя: чем он хуже Захара? Почему он не может жить в таких палатах? Почему самые красивые девушки Заболони должны доставаться кому-то, но не ему?..

Хорошо жил боярин Захар. Богатые владения – густые и щедрые на пушнину леса, жирные земли на полях, полная рыбы река. Большое множество людей – холопы, закабаленные закупы, свободные смерды, купцы и ремесленники. Потому и жил он справно и пышно. Двор – неприступная крепость, хоромы как у великого князя. А как люди его живут, это боярина интересовало мало. Драл с них по три шкуры без стыда и совести, а недовольных ставил к ногтю посредством своей дружины.

Тимофея удивляло безрассудство этого глупца. Посад стоял на холме, боярский детинец на самой вершине, вниз к реке тянулись кривые улочки, плотно застроенные хижинами и лачугами с плохими соломенными крышами. А острог вокруг города хлипкий, курам на смех: частокол невысокий, тонкий, в один ряд – для лазутчика плохая преграда, а для вражеского войска и вовсе удержу не будет. Наскочат те же мордовские конники, пустят ввысь стрелы огненные и пожгут город к чертям своим языческим. Даже если дружина боярская отобьет нападение, городу не быть. Детинец, может, и устоит, но сколько простых людей поляжет... Не заботится Захар о своем народе, живет в свое удовольствие – сладко ест, крепко пьет, девок горячо любит. И дружинники его зажирили на сытных хлебах. Бунт, может, усмирить смогут, но вряд ли смогут выстоять против настоящего врага. Придет беда, и отворятся ворота... Нет, нельзя так. Боярская слепота страшнее мора...

На дряхлых воротах стоял всего лишь один воин. Без доспехов, потому что жарко. Копье притулено к сторожевой плетенке, щит на земле – торба на нем раскрытая с походной снедью и кринка молока. Богатая рубаха с узорным шитьем, широкий пояс с бронзовыми вставками, на ногах кожаные посолы на шнурах. Шлема на голове нет. Удивительно, что меч в ножнах на поясе висит. Стоит, опершись спиной об угол сторожки, щелкает семечки подсолнечника. На мир свысока посматривает, красных девиц привечает. Бесшабашная голова, не привычная к тревогам и беспощадным побоищам. Некому испортить его сладкую жизнь.

Везло боярину Захару, беды обходили стороной его вотчину. Не терзала его набегам мордва, не лезли к нему за наживой соседние князья и бояре, не призывал его к себе вместе с дружиною рязанский князь – не участвовал он в боевых походах, не выдерживал осад и не брал крепостей вражеских. Потому и расслабилось без дела его воинство. На свою беду, а может, и на погибель...

Стражник увидел Тимофея – глумливо ухмыльнулся.

– Как здоровье твое, морда битая?

Он уже поставил себя на ноги, широко развел их для большего равновесия, расправил широкие плечи. Рука на рукояти меча, в глазах животное веселье и звериная угроза. Тимофей вспомнил, как бился на кулаках с боярскими дружинниками, но этого детину припомнить не смог. Может, он тоже бил его наравне с остальными, а может, рядом стоял. Так или иначе, он знал о том случае, поэтому относился к Тимофею как к своему врагу.

Орлику стало не по себе. Изверга этого он не боялся, надо будет – прихлопнет как муху. И не посмотрит, что у него меч отточенный. А испугался он не за себя, а за родных своих. Изба его новая у реки, на самом отшибе пригородного селища. Нагрянь охальники по напуску боярина – беды не миновать. Или дом сожгут, или... Сестры у него молодые, на выданье. Кто их потом замуж возьмет?..

Тимофей угрожающе насутился, сверкнул взглядом.

– Здоровье мое погожее, а ты вот без языка остаться можешь. Говоришь много, да не по делу.

– А ты не грози мне, упырь киевский.

Тимофей удивленно и уstraшено повел бровью. Похоже, боярские приспешники справились о нем у людей, узнали, в какой дружине он служил в своем недалеком прошлом... Хорошо, если обошлось без последствий для его семьи.

– Если хоть один волос с головы моих сестер... – начал было он, но ратник оборвал его.

– За сестер не бойся, – ехидно ухмыльнулся он. – За себя бойся.

– За себя то я постою... И вас всех положу, если что не так...

– О! За такой разговор тебя к боярину на суд вести надо!

– Веди. Только смотри, не надорвись.

– Зря ты гоношишься, – угрожающе покачал головой ратник. – Добрые мы, но если разозлимся... Разбудишь лихо, горько о том пожалеешь. Если будет, чем жалеть...

– Горазд же ты языком нарезать, – криво усмехнулся Тимофей. – Давай в честном бою сойдемся, посмотрим, чья возьмет!..

– Нельзя мне. На страже я... А вечерком сегодня подходи, пободаемся. Сам приходи и друзей своих приводи.

– Нет у меня здесь друзей, – покачал головой Тимофей. – Не успел заиметь... А ты, стало быть, с друзьями будешь?

– Если страшно стало, так и скажи... – презрительно хмыкнул детина и, насутив брови, грозно рыкнул: – Проходи, морда пришлая, не мешай службу нести!

– Мы еще встретимся, – уходя, сказал Тимофей.

Выбора у него не было. Не должен он был давать спуску этому зарвавшемуся вою, обязан был дать ему укорот, чтобы не смел больше оскорблять его.

Дома его ждали мать и сестры. Обрадовались ему, накормили кашей, напоили молоком. Сообщили радостную новость – к старшенькой Ульяне жених заслал сватов. Правда, день свадьбы назначен не был, потому как Тимофей не сказал своего слова.

– А когда хотите пожениться? – спросил он.

– Как обычно, на Ивана Купалу.

– Языческий праздник, – нахмурился Тимофей.

Он долго жил в Киеве, в городе, который считался оплотом христианской веры на Руси. Там и каменные храмы о золотых куполах в большом множестве, и митрополит из Константинополя. В рязанской земле тоже были церкви, приходы. В Заболони тоже был храм, деревянный – Покрова Пресвятой Богородицы. Еще дед боярина Захара ставил. И местные священники к службе усердно призывают, из Ростова Великого святители наезжают – учить народ уму-разуму. Но все равно, языческие корни на рязанской земле не в пример сильнее, чем в том же Киеве. И гулянья здесь на Ивана Купалу – святое дело. И свадьбы на этот праздник играют чаще всего. Священники морщатся, кряхтят, но молодых венчают. Не так-то просто языческую дурь из людей вытравить...

– Ну и что? – обиженно надула губки Ульяна. – Из века в век празднуют... И Авдей хочет...

– Вот и скажи, что Авдей хочет, – усмехнулся Тимофей и легонько щелкнул пальцем по ее носу.

И в это время в дом вбежала, запыхавшись, младшая Власта. Глядя на брата глазами, широко раскрытыми от избытка чувств, сообщила:

– А Лада-то назад идет!

С Ладой она зналась недавно, с тех пор, как поселилась в этом селище в новой избе. Сама познакомилась с ней и с братом ее свела – на общую беду.

– Не шуми! – встрепенувшись, одернул ее Тимофей.

И неторопливо – что удавалось ему с трудом – вышел из дома.

Лада шла по пыльной змеящейся улице мимо изб, лачуг и землянок. Люди в этом селище жили бедно, и дом, построенным Тимофеем, выгодно отличался от других. Большой огород, река с рыбалкой. И сам он завидный жених. Но не пришелся он Ладе по нраву. Боярин глаз на нее положил, а она тому и рада. Была... Судя по ее опечаленному виду, не сложилось у нее с Захаром. Идет, а руки болтаются у бедер, как плети. Поникшая голова, отсутствующий взгляд, слезинки у глаз. Домой идет, к матери, в свою землянку. Обесчещенная и опозоренная. Тимофей глянул на Власту. Девушка стояла, сомкнув ладони на груди. Видно было, что ей жаль Ладу. Но не будет она дружить с ней. И все остальные подруги будут ее сторониться. Если бы она в ночь на Купалу с кем-нибудь огульно согрешила, тогда бы никто ее не осудил, но ведь не в праздник же взял ее Захар. Себе праздник сделал, а ее на посмеяние выставил...

И Тимофей от нее должен отвернуться. Негоже питать чувства к падшей женщине. Но что делать, если тянет его к Ладе?..

Немного подумав, он встал у девушки на пути. Молча глянул на нее сверху вниз. И укор в глазах, и досада. Должна была понимать баба, что серьезные у него виды на нее, так нет, вильнула хвостом. Сама, по доброй воле с боярином уехала, думала, что Захар в жены ее возьмет.

– Дура ты, – осуждающим тоном, но не зло сказал он. – Нашла, к какому берегу прибиться.

Она жалко всхлипнула, поджав немощные плечики. И вдруг подалась к нему. Руки ее так и остались висеть как плети, но голова прижалась к его груди. Она даже губами не пошевелила, а он услышал: «Прости!»...

«Кто я такой, чтобы прощать?» – мысленно спросил он.

Не было у них встреч под луной, не объяснялись они в любви. Просто знали друг друга. Он думал о ней, а Лада думала о ком-то другом – как вскоре выяснилось, о Захаре. И уехала с ним, потому что хотела этого. А Тимофей для нее был никем. И сейчас он для нее никто. Но почему тогда она просит у него прощения?..

– Он... Он меня обманул... – хлопнув носом, сказала она.

И разрыдалась, слезами своими намочив рубаху на его груди. Тимофей невольно приглубил ее – нежно провел рукой по ее густым, сплетенным в длинную косу волосам. В растерянности посмотрел на стоящую поодаль Власту. Та в раздумье пожала плечами. Дескать, ты уже взрослый, брат, самому решать, приветить ее или прогнать...

– И что дальше? – спросил он.

Лада перестала плакать, отстранилась от него, в паническом ожидании посмотрела ему в глаза. Страшно ей. И нет солнца в ее голубых как небо глазах. Только облака – быстрые, мятущиеся.

– Я не знаю.

– Прогнал тебя Захар?

– Нет... Сама ушла... Он хотел во грехе, без венца, а я так не могу. Я девушка честная...

Она говорила, но Тимофей не верил ей. Была она во грехе и без венца. И нет за ней больше чести...

– Тогда почему печалишься?

– Потому что не поверят мне.

Лада с надеждой смотрела на него. Знает, что было в нем чувство к ней. Потому и надеется, что подберет он с земли яблоко – надкушенное и уже не запретное.

– Мать на порог не пустит, – сказала она.

Тимофей промолчал. Его мать пустит ее на порог своего дома. Если он скажет, то пустит. Но тогда она должна будет остаться у них – обесчещенная и опозоренная. И ее позор ляжет на него, на его семью.

– Ты не должна была уезжать с Захаром, – рассудительно изрек он.

Никогда не забыть ему, как сияло счастьем ее лицо, когда она ехала в одном с ним седле. Она тогда и думать не думала о Тимофее. А сейчас – «Прости!». А сейчас – «Поверь!»... Потому что не на кого больше надеяться.

– А он не должен был тебя забирать. И обратно отпускать права не имел...

– Он не хотел отпускать, я сама... – жалко сказала Лада. – Но теперь все думают, что я пала...

– Пусть думают.

– А ты что думаешь?

– Не знаю...

Не мог он привести ее в свой дом. Но и на произвол судьбы не хотел бросать.

– Ты домой иди. А я к Захару пойду. Спрошу, почему он так подло с тобой поступил...

Но пошел Тимофей не к Захару. Вечером он был у тех самых ворот, где в непозволительно грубом тоне говорил с ним боярский приспешник.

Грубиян был не один. С ним в круге, щелкая семечки, стояли еще трое. В вольных одеждах, без доспехов, но с мечами. О веселом говорят – о срамных бабах, о пьяном раздолье. Громкий говор, нахальный смех. А лица знакомые. С этими воями пришлось драться Захару на кулаках. До сих пор у него желтизна под глазами, до сих пор не сошла опухлость на правой щеке.

Они стояли с внешней стороны ворот, на пыльном пяточке перед мостом через крепостной ров – мелкий, густо поросший травой, едва заметный.

– О! Гляди, явился! – удивился детина, пальцем показывая на Тимофея. – А мы уж и не чаяли!

– Ты смотри, а он не шутит! – озадаченно протянул его друг, рослый могучий воин с широким приплюснутым носом.

Будь этот нос из железа, им можно было бы защитить лицо от стрел не хуже забрала на шлеме. Но не был у него нос железным. И шлема у него не было. И кольчуга не тяжелила тело. Руки также ничем не защищены. И на его соратниках тоже не было никакой брони.

Зато Тимофей не забыл надеть кольчугу под рубаху. И перчатки на нем – из дубленой кожи со стальными пластинами. И меч при нем. Отличный меч, из отменной стали – сложная кузнечнаяковка, узорчатая сварка. Сам воевода великого киевского князя пожаловал ему это оружие – в знак благодарности за свое спасение от половецкой стрелы... Щитом и шлемом Тимофей пренебрег – может, зря. Не до шуток ему, и боярские ратники уже видят в нем серьезную для себя угрозу.

Если они ждали его, то, скорее всего, рассчитывали на кулачный бой – как в прошлый раз. Но Тимофей предстал пред ними во всеоружии. Меч пока в ножнах, но вот-вот засверкает он в лучах заходящего солнца.

– Гляньте на него, грозный-то какой! – всполошившись, молвил низкорослый молодец с косой саженью в плечах.

Лоб у него на вид такой плотный и крепкий, что, казалось, мечом его не рассечешь. Но так только казалось.

Молодец медленно взялся за рукоять своего меча, плавно извлек из ножен.

Тимофей ничего не говорил. Враг уже обнажил свой клинок – и это более чем убедительный ответ на брошенный вызов. Все уже понимают, что кулачного боя не будет. Все понимают, что Тимофей пришел биться не на жизнь, а на смерть. И ничто уже не остановит его – ни голос разума, ни подмога, на которую может рассчитывать враг. Это сейчас он один против четверых, но из ворот уже показался вставший на службу стражник, он встревожен, он готов прийти своим товарищам на помощь. И клич он может бросить. Поднимет по тревоге ратную дюжину, тогда Тимофею придется туго...

– А я знаю, чего он такой, – обнажая меч, ехидно оскалился детина. – Захар его девкой позабавился, вот он и злится... Хорошая девка, ее теперь после Захара подобрать можно.

– Подберем, – кивнул низкорослый молодец.

Чуть пригнувшись, с мечом в опущенной руке, он медленно обходил Тимофея, чтобы ударить со спины или хотя бы с бока.

– Сначала с ним позабавимся, а потом с его девкой...

Оскорбительные слова Тимофей пропустил мимо ушей. Не в том он сейчас положении, чтобы петушиться в ответ на словесную злобу. Он уже вступил в смертный бой, и этим выражает свое возмущение произволом заболонского боярина и его приспешников. Да и нельзя давать волю своим чувствам. В бою должно быть холодным все – и голова, и кровь, и нервы. И только меч должен быть горячим – от вражеской крови. А меч его уже обнажен. Одно это утверждает его во мнении, что нет у него уже выбора. Только вперед, только навстречу победе. И уже не важно, правильно он поступает, что идет против боярина, или нет... Только вперед...

– Сейчас мы его... – угрожающе сощурился детина, такой же виновник этой заварушки, как и сам Тимофей.

Он оскорбил его днем, он сказал плохо про Ладу сейчас. Он первым за все и рассчитается...

Тимофей не размахивался, не заносил меч над головой. Он ударил первым – от земли, резко, молниеносно быстро. Детина, казалось, даже не понял, что произошло. Хватаясь за рассеченное брюхо, опускаясь на колени, он оторопело пялился на Тимофея. Не ожидал он, что для него все закончится так быстро. Не ожидал, потому что не привычный он был к ожесточенным сражениям. В чем-то сами они были подлыми, но, похоже, не ведали, что это такое – военная хитрость и коварство.

– Ату его! – заорал широконосыый здоровяк.

Он бросился в атаку, но Тимофей вовремя подставил под удар свой меч.левой рукой, защищенной боевой перчаткой, попридержал остановленный им вражеский клинок и чиркнул острием своего меча по животу противника. Ему не хватало размаха для сильного удара, и будь на ратнике кольчуга, он бы уцелел. Но нечем было ему закрыть свою плоть, а меч у Тимофея заточен остро-остро... И еще один боярский зарезанный дружинник осел на землю.

Низкорослого молодца не напугала кровь его товарищей. Он мог бы ударить Тимофея, пока тот справлялся со вторым своим противником, но так широко размахнулся для удара, что ему не хватило времени. Потому его меч врезался в подставленный клинок. Удар был настолько сильным, что не выдержала плохо закаленная сталь. Сломался меч у молодца, а вместе с тем обрушилось в тартарары его мужество. Он показал врагу свою спину. Можно было догнать противника и добить его. И Тимофей бы не побрезговал такой расправой, если бы выпустил из виду четвертого ратника. А тот как раз бил из-за спины. Красивый удар, но слишком глупый из-за своей сложности. Противник хотел одним махом снести Тимофею голову. Но слишком долго он примерялся, слишком сильно отвел в сторону обе руки. Тимофей же избрал самый короткий путь для удара. Он даже не стал разворачиваться к противнику лицом. Пригнулся, чтобы вывести из-под удара свою голову, выбросил меч назад, за спину. Подавшийся вперед ратник сам нанизался на клинок...

Все бы закончилось в самом начале, если бы на воротах не стоял стражник. Тот не растерялся, выдернул из колчана короткий, но тугой лук, быстро наложил стрелу на тетиву. Тимофею ничего не оставалось, как отступить.

Не стал он показывать врагу свою спину. Отходил медленно, сжимая меч в обеих руках. От первой стрелы он уклонился, вторая угодила в бок, царапнув, но не пробив кольчугу. Третью стрелу он отбил мечом...

Он отступил на относительно безопасное расстояние от стрелка, когда из распахнутых ворот на полном скаку вынеслись два всадника. Броня, щиты, копья. Грозная сила. Они мчались прямо на Тимофея в безудержном порыве исколоть его копьями и втоптать в землю копытами.

Тем и страшна конница, что может нагнать на врага панический страх одним своим видом. И горе тому, у кого душа уйдет в пятки. Нельзя терять голову в бою пешим против конного... Но и одной отваги мало, если не знать, что делать в таких случаях. Тимофей знал. Поэтому смело встал на пути у грозных всадников. Меч свой выставил вперед, как копье. Изловчившись, подстроился под переднего коня так, что восседающий на нем ратник не смог достать его копьем... Одним умением конного воина не взять. Нужна сила и умение держаться на ногах, чтобы не оказаться под копытами у раненого коня.

Клинок меча ушел в конскую грудь по самую рукоять, но Тимофей не выпустил оружие из рук. Он проехал на ногах сажень пять, прежде чем конь упал. Второй всадник проскочил мимо, не сумев достать копьем противника. А первый упал со своего коня так неудачно, что сломал себе шею. Даже добивать его не пришлось. Уцелевший воин осадил своего коня, развернулся для атаки, но Тимофей встретил его с оружием в руках. Какое-то время он просто стоял, представляя для всадника удобную мишень. Но в самый последний момент отпрыгнул в сторону. Он рисковал оказаться под копытами коня, но маневр удался, поэтому он оказался по левую руку всадника, в которой не было ни копья, ни меча. Конник проскочил бы мимо, если бы Тимофей снова не прыгнул – на этот раз на него, посылая вдогон свой меч.

Раненый воин вылетел из седла. Тимофею осталось только добить его. И он сделал это, потому что негоже бывалому воину оставлять за своей спиной живого врага. А в настоящем смертном бою дозволялось бить лежачего. В настоящем бою Тимофей не ведал жалости...

Стражник на воротах пустил в Тимофея одну стрелу, вторую, но поразить цель не смог. Неважный из него стрелок. Да и сам Тимофей был начеку. Он видел, откуда грозит ему опасность, поэтому не позволил бы застать себя врасплох...

Глава 3

В общаге царил самый настоящий переполох. Мать в отчаянии схватила Тимофея за руки, с мольбой заглянула ему в глаза.

– Надьку забрали! – заголосила она. – Силой забрали!.. Сказали, чтобы ты ее нашел!..

– Суки!

Тимофей с силой сжал кулаки. Не думал он, что захаровские отморозки нанесут удар по его родным. Ведь только он виноват во всем, что произошло, с ним должен был сводить счеты Захар, а он отыгрался на его сестре. Он – ублюдок, ему ничего не стоит надругаться над Надей самому и отдать ее на растерзание своим «быкам»...

– Когда они были? – спросил он у матери.

– Позавчера, вечером...

– В милицию не звонила?

– В милицию? А что толку? Она же вся купленная...

– Эх, мама, мама...

Три дня прошло с тех пор, как он в темном месте встретился с захаровскими братками. Боевой нож он тогда держал при себе, злости в нем было хоть отбавляй, и боевой опыт никуда не делся. Бандиты рассчитывали на легкую победу, но нарвались на легкую смерть. Тимофей бил наверняка – одного ударил в сердце, второму проткнул почку. Во всех случаях смерть была почти мгновенной. Но, возможно, кто-то и успел осознать и прочувствовать свою вину перед ним...

Время было позднее, ночь выдалась темной, свидетелей не наблюдалось – у Тимофея были все основания полагать, что Захар не сможет вычислить виновника гибели его молодчиков. Но на всякий случай он все же переждал момент. И только сегодня вернулся домой. А тут такая новость...

Оказывается, Захар догадался, кто навел смертную порчу на его парней. Что ж, тем хуже для него...

А ведь Тимофей думал, что рассчитался с захаровской братвой, отомстил за свое поражение. А нет, война продолжается... Время вскрывать тайники...

Из Югославии он уезжал без оружия. Слишком опасно было переправлять его через таможеню. Но по пути домой он заскочил в свою часть, где служил его друг. Побывал и в Бендерах, где с войны девяносто второго года остался у него тайник. Забрал оттуда пистолет Макарова, две ручные наступательные гранаты. Все это – с риском для своей личной свободы, поездом – доставил домой. На всякий пожарный случай. И раз уж пожар полыхает дальше некуда, пора доставать пистолет.

Захар забрал Надю не только для того, чтобы надругаться над ней. Он заманивал Тимофея в ловушку. И невдомек ему, что яму он вырыл для самого себя...

Одну гранату Тимофей взял с собой, а вторую оставил в тайнике. «Макаров» сунул за пояс, накрыл подолом свитера. Все, можно идти. Вопрос – куда. Он пока еще не знал, где находится логово Захара. Но это дело поправимое. Есть Лада, она все ему расскажет...

Лада... Она появилась в общаге примерно через неделю после того, как уехала с Захаром. Вся не своя, зареванная, опустошенная. Надя тогда объяснила, что Захар поматросил ее и бросил. Ни квартиры ей обещанной, ни, тем более, брачного штампа в паспорт... Тимофей тогда сдуру сунулся к ней и нарвался на «лестную» тираду. Он сказал все, что думает о Захаре, а в ответ Лада насмеялась над ним самим. Дескать, видела она, как захаровские бандиты били его. И не важно, что их было больше, и совсем ничего не значило, что Тимофей устоял на ногах, не слег под градом ударов. «Проиграл, значит, слабак...»

А ведь, в сущности, Лада была права. Сказала горькую, жесткую, но правду. Он действительно проиграл Захару... Потому и захлестнула его с головой жажда реванша. Потому, встретив случайно своих обидчиков, он сам предложил им выяснить отношения. В тот раз с ним был боевой нож. Теперь же у него пистолет. Может, и не Брюс Ли он в рукопашной схватке, но в огневом бою с ним лучше не сходиться...

Дверь в комнату Лады была закрыта.

– Нет ее! – сказала вышедшая из дежурки Марина Евгеньевна.

Досада звучала в ее голосе и обида. Переспал с ней Тимофей, а потом и забыл к ней дорожку. Но ведь глупо с ее стороны было рассчитывать на продолжение банкета.

– А где она?

– Где, где, с бандитами шляется...

Ехидство делало ее вульгарной и отталкивающей некрасивой. Тимофею неприятно было смотреть на нее.

– Ну зачем на людей наговаривать? – Он осуждающе посмотрел на нее.

– Я наговариваю? – Марина усмехнулась, презрительно оттопырив нижнюю губу. – Ничего я не наговариваю. Как было, так и говорю. Еще вчера вечером приехали, забрали.

– Точно вчера?

– Ну конечно. Я вчера вечером заступила. Только вахту приняла, а тут эти...

– Мало им Надьки, – заскрипел зубами Тимофей.

Накуражился Захар над сестрой, затем за Ладу взялся. Раньше он был с ней, потому что она ему нравилась. А сейчас забрал ее к себе, чтобы Тимофею еще больше досадить. Знает же, что Тимофей к ней не ровно дышит.

– В милицию не обращалась? – без всякой надежды на положительный ответ спросил он.

Если уж мама не решилась к стражам порядка обратиться, то Марина и подавно не стала бы звонить на «ноль два».

– Зачем в милицию? – удивилась вахтерша.

– Ну, ее же силой увезли. Похитили, можно сказать.

– Похитили? Что ты такое говоришь? Сама она с ними пошла, по своей воле. Еще и улыбалась им... Шлюха она, твоя Лада. Нашел, за кем бегать... Может, ко мне вечером зайдешь?

– Зайду. Когда сам этого захочу.

– А сейчас к Ладе своей хочешь? Ну так иди к ней.

– Куда?

– А ты не знаешь, куда ее повезли?

– А ты знаешь?

– В кафе они на Солнечной собираются. Это в нашем дворе...

– Кто – они?

– Ну, бандиты, кто еще... Захар у них самый главный. Я его еще мальчишкой знала. Паша Захаров, на скрипке играл, здоровался со всеми, вежливый такой был. Его сейчас не узнать. Как из тюрьмы вышел, так и не узнать...

– Из тюрьмы?

– В драке он кому-то глаз выбил, вилкой, что ли. Два года ему дали. Жалели его все, такой культурный мальчик, думали, пропадет в тюрьме. А он зверем оттуда вышел, все его боятся...

– А что за кафе?

– Говорю же, в нашем дворе. Там раньше бойлерная стояла, к складу овощной базы примыкает. Потом из этой бойлерной кафе сделали. Так Захар сразу же лапу на это кафе наложил. Пристроил понаделал... Штаб-квартира там у него, забором от всех отгородился. Деревьев там у нас много, двор большой, и само кафе вроде как на отшибе, а все равно как бельмо в глазу. Шумно по ночам иногда бывает, а пожаловаться некому. Участковый это кафе стороной обходит...

- Бельмом на глазу, говоришь. Значит, видно кафе из твоего окна.
 - Да нет, почти не видно. Говорю же, на отшибе оно стоит, деревьев много...
 - Какие деревья?
 - Тополя.
 - Тополя еще лысые.
 - Ну, не лысые. Есть уже листочки, правда, малюсенькие... Но ты прав, сейчас кафе видно. А зачем тебе?
 - Ты меня в гости вроде бы приглашала.
 - Ну, если хочешь. Я через два часа смену сдаю...
 - Я ждать не могу. Адрес мне скажешь и ключи дашь.
- Марина становилась беспомощной, когда он говорил с ней в повелительном наклонении.
- Да, конечно...

На улице Тимофей поймал частника, по пути к месту заехал в магазин оптики, купил там бинокль, по своему формату близкий к театральному. Хотелось бы взять игрушку помощней, но это было единственное, что там можно было купить. Впрочем, оказалось, что за кафе можно было следить вообще без бинокля. Не так уж далеко оно находилась от дома, где жила Марина. Окна ее квартиры выходили прямо на бывшую бойлерную, а деревья с едва обозначенной листвой на ветвях не могли служить хорошей ширмой от посторонних глаз.

Стоило признать, что Захар устроился неплохо. К его кафе вела бетонная дорожка, которая легко перекрывалась самым настоящим и довольно прочным на удар шлагбаумом. Милицейской машине так просто к бойлерной не подъехать, и бандитствующим конкурентам на своих джипах не подобраться. Метров за двадцать до кафе выходить надо, идти по открытой местности, перепрыгивать через метровый забор, сваренный из железных труб. А то, что на кафе висела соответствующая вывеска, вовсе не значило, что сюда может зайти любой желающий. Можно не сомневаться, что доступ открыт только для избранных.

Коробка бывшей бойлерной выходила на передний план. Дверь, занавешенные изнутри и забранные решетками окна. Свежая штукатурка, покраска, крыльцо из гранитных плит. Расстояние до тыльной стены овощных складов заполняли пристройки, о которых говорила Марина. Это было целое здание, вплотную примыкавшее к бывшей бойлерной. Здесь могло находиться и продолжение кафе, и банька для своих, и тюрьма для таких несчастных жертв, как Надя. Штаб-квартира в кафе-крепости. Но ведь крепости для того и существуют, чтобы их взламывать.

На пяточке перед главным входом стояли две машины. Обе черного цвета. Джип «Чероки» и знакомый «БМВ», на котором Захар увозил Ладу. Скорее всего, Захар был на месте.

Тимофей внимательно следил за подступами к кафе. Сначала он увидел, как из заведения вышли двое в кожаных куртках, сели в джип и куда-то поехали. Парень в кожаной куртке, стоящий у шлагбаума, пропустил их. Минут через десять этому же парню снова пришлось поднимать шлагбаум, чтобы открыть проезд темно-синему «Мерседесу» не первой молодости. Из машины вышли три парня в кожанках, не задерживаясь, прошли в кафе. Двое убыли, трое прибыли, вопрос – сколько людей в заведении?..

Еще через полчаса стало темнеть, но все же Тимофей смог увидеть, как подъехал к шлагбауму красавец «БМВ» «седьмой» модели. На таких машинах простые братки не ездят, наверняка прибыла какая-то шишка. Сначала из машины вышла охрана – два бритоголовых парня в кожаных куртках. Затем появился худощавый мужчина в кожаном плаще нараспашку и шляпе а ля Боярский. Трость с золоченой ручкой, белоснежный шарф. Лица Тимофей разглядеть не смог, но догадался, что это не Захар. Не та комплекция. Зато его охранников легко можно было спутать с «быками» Захара. Такие же мощные габариты...

Первым в кафе зашел телохранитель и, как показалось Тимофею, сделал это не без опаски. И его босс также, казалось, был чем-то встревожен. Нервно теребил трость в руке, озирался по сторонам. Но вот и он зашел в кафе, за ним втянулся второй его телохранитель.

Сумерки уже загустели, когда из кафе вышли трое. Два здоровенных братка ташили на себе беспомощного крепыща в кожаной куртке. Похоже, это был телохранитель из свиты неизвестного авторитета. Или он был сильно пьян, или находился без сознания. А может, он был и вовсе мертв. Но как бы то ни было, «быки» Захара затолкали его в салон «БМВ»...

Тимофей ждал продолжения. Чутье подсказывало ему, что следующим будет сам неизвестный авторитет. Его так же вынесут из кафе, засунут в машину и вывезут из города, чтобы похоронить где-нибудь в лесу.

Ожидание прервал звонок в дверь. Это могла быть Марина. Второго комплекта ключей у нее быть не могло, да и время ее подошло. Но все же на всякий случай он спросил через дверь:

– Марина, ты?

– Я!

Это был ее голос. Но что-то насторожило в нем Тимофея. Тогда он глянул в глазок и увидел мелькнувшую в обзоре мужскую ногу, обутую в кроссовок. Человек поднимался по лестнице на следующий этаж, но уж больно торопливо. Само по себе это ничего не значило. Ну, спешит куда-то жилец дома, что здесь такого? Но Тимофей сейчас находился в таком состоянии, когда любой шорох вызывал подозрение. Поэтому на всякий случай достал из-за пояса пистолет.

– Сейчас, сейчас! – крикнул он, чтобы голосом заглушить шум передергиваемого затвора.

Открыл дверь и тут же отскочил в проход между прихожей и кухней, спрятался за стенкой, опершись об нее спиной. Зеркало, висевшее на двери в ванной, позволяло ему держать под наблюдением прихожую. Это же зеркало могло и выдать его вломившимся в дом «кожаным» парням. Их было двое. И оба с оружием. Не обнаружив никого в прихожей, один зашел в комнату, другой ринулся на кухню. Сосредоточенный взгляд сквозь хищный прищур, пистолет на вытянутых руках. Идет медленно, но торопливо...

Как и ожидал Тимофей, зеркало выдало его. Но парень в кожанке не сообразил, что это всего лишь отображение. Сначала он выстрелил в зеркало, а затем уже увидел живого и невредимого противника. У Тимофея уже не было выбора. Поэтому он нажал на спусковой крючок.

Выстрел, труп. И еще один выстрел. Женский вскрик, шум падающего тела. Марина была мертва, но не Тимофей убил ее. В нее стрелял второй браток, из комнаты, куда зашел в поисках жертвы. Тимофей сначала упал на пол, а затем выстрелил в дверной проем. Парень, стоявший у окна, тоже успел выстрелить, но пуля прошла высоко над его головой. Зато Тимофей не промазал...

Тимофей не стал гадать, была у Марины договоренность с братками или они случайно узнали, кому и зачем она дала ключи от своей квартиры. Достаточно было знать, что это она навела их на него. По своей же вине и погибла...

Он прислушался к тишине на лестничной площадке. Не хлопнет ли кто встревоженно дверь, не пойдет ли на шум выстрелов. Но нет, спокойно все – ни голосов, ни топота ног. А если кто-то из жильцов и догадался вызвать милицию, время у него есть. Прежде всего он поменялся оружием с убитым. Свой боевой «макаров» поменял на пятнадцатизарядный германский «Вальтер». На всякий случай протер все гладкие поверхности в квартире, к которым мог прикасаться руками. Забрал бинокль, обулся, закрыл за собой дверь и убрался восвояси.

Возле подъезда он обнаружил черный «БМВ»-«пятерку», на котором часа полтора назад из кафе уехали двое. Значит, это захаровская братия уменьшилась на два человека. Что ж, тем легче будет справиться с самим Захаром.

Нужно было быть сильным и смелым бойцом, чтобы после случившегося снова сунуть свою голову в адово пекло. Тимофей ничуть не сомневался в своих силах и не боялся идти ва-банк. Он должен был спасти сестру, а потом он хотел выпить свою чарку шампанского – награду за риск, которому он себя подвергал. И Ладе, если та сейчас с Захаром, он докажет, что не слабак...

Он дождался, когда сумерки сгустятся до ночной кондиции. Скрытно подобрался к стойке возле кафе, затаился, присев за деревом. «БМВ» «седьмой» модели уже не было. То ли сам уехал неизвестный авторитет, то ли увезли его – возможно, и не живого. Впрочем, Тимофея совсем не волновало сейчас, что стало с ним и его свитой. Сейчас он думал только о себе, потому что сам оказался в эпицентре событий.

Из кафе вышел здоровяк со спортивной стрижкой, спустился с освещенного крыльца, встал посреди прохода, с важным видом извлек из кармана куртки пачку сигарет, закурил – как будто наслаждаясь тишиной и покоем после какой-то бури...

Пошатываясь как пьяный, Тимофей направился к нему.

– Эй, мужик, в натуре, ты куда? – попытался остановить его здоровяк.

Презрительная ухмылка на откормленном лице, пренебрежительная угроза в маленьких свинячьих глазках.

– Почему нельзя? – заплетая язык, возмущенно протянул Тимофей. – Кафе же! «Солнечное», да?

– Кафе. Но не для твоей рожи! Поворачивай назад!..

– Слышь, браток, купи бинокль!

Он полез в карман, но вытащил оттуда финский нож с лезвием ручнойковки.

– Эй, ты чего?

Браток успел испугаться, но не смог защититься. Тимофей сблизился с ним в стремительном натиске и всадил клинок под правое нижнее бедро. Это был удар, после которого у парня не было никаких шансов выжить. Но Тимофею ничуть не было его жаль. Браток сам выбрал свою судьбу, встав на бандитскую тропу. Он знал, на что шел...

Мертвеющее тело он толкнул в пространство между двумя кустами. Взбежал на крыльцо, вынимая из-за пояса «Вальтер», распахнул приоткрытую дверь.

В кафе за столиками сидели люди, суровый вид которых не вызывал сомнений в их принадлежности к бандитскому племени. Братков было двое, но среди них не было Захара. Вожак их стаи мог находиться за дверью, которая должна была вести не только в подсобку, но и в пристройку к зданию бывшей бойлерной. Но до этой двери нужно было еще добраться.

– Эй, ты кто? – встревоженно спросил рыжеволосый браток, резко вскочив со своего места.

Но Тимофей не позволил ему продолжить допрос. Метким выстрелом он с ходу поставил точку в их разговоре. А повторным нажатием на спусковой крючок уложил его коллегу.

Теперь он не должен был останавливаться, и любая преграда на его пути могла стать для него роковой. Но дверь в подсобку была открыта, а за ней Тимофей обнаружил комнату, по обстановке своей напоминающую отдельный кабинет в ресторане. За столом сидел сам Захар. В обнимку с заплаканной Ладой. С ним еще двое. Их уже встревожили выстрелы, но со своего места успел подняться только один. В него и выстрелил Тимофей.

Второй телохранитель Захара в панике задержал правой рукой в тщетной попытке достать из кобуры под мышкой пистолет. Тимофей узнал этого типа, он был последним из той троицы, что избивала его на глазах у Лады. Говорить с ним не было времени, и Тимофей снова нажал на курок. Остался только Захар. Хотелось бы сказать ему пару резких слов, но опять же нужно было спешить.

– Эй, братан, не надо! – вскакивая, в ужасе замахал руками Захар.

Надо было видеть, каким жалким и беспомощным он сейчас выглядел. Но Тимофей не стал его жалеть. Два выстрела в упор, и он рухнул под ноги обморочно шокированной Ладе. Чтобы не оставлять свидетелей, он должен был пристрелить и ее, но рука не поднялась.

Хлесткая пощечина привела Ладу в чувство.

– Надя где?

– Там!

Она беспомощно махнула рукой в сторону очередной двери. Тимофей распахнул ее и ворвался в следующую комнату, которая представляла собой типичный предбанник. Вешалки, одежда. Дальше комната с бильярдом и массажным столом. Но там никого не было. Еще две двери. За одной душевая и парилка, а за другой неизвестно что. До этой двери Тимофей добраться не успел. Она открылась сама, из нее выскочил мускулистый парень с голым торсом и в джинсах с расстегнутым ремнем. Бейсбольная бита в руках. Не самое грозное оружие. Но Тимофей рисковать не стал. И снова выстрелил...

В комнате за дверью он и обнаружил свою сестру. Надя лежала на кровати – в чем мать родила. И обе руки наручниками прикованы к батарейной трубе. Не трудно было догадаться, что происходило в этой комнате только что и в течение последних двух-трех дней. Пользуясь ее беспомощностью, братки Захара насиловали девушку по очереди. Возможно, доставалось и Ладе, которую их главарь опустил до уровня красивой игрушки. Но за Ладу Тимофей не очень переживал. Зато белугой взвыл, глядя на беспомощную сестру.

Он должен был немедленно вызволить сестру из плена, прижать к себе, дать ей выплакаться, утешить. Но ему никак нельзя было делать остановку, пока он не убедится, что в логове Захара нет больше живого двуногого зверья. И лишь когда он в том убедился, вернулся к сестре.

Надя рыдала, заливаясь слезами. Тимофей спас ее, но ведь он не в силах вернуть ей девичью честь. За три дня через нее прошло столько подонков, что и подумать страшно. Захар без всякого зазрения совести превратил ее в помойку...

– Тимоша, родной...

Надя порывалась обнять его, но наручники надежно держали ее на привязи. Ладони посинели, запястья рук опухли, покраснели – видимо, бандиты давно не снимали с нее стальные браслеты. Худо, если следствием такого беспредела станет гангрена... Тимофей мог бы перебить цепочки на наручниках выстрелами в упор, чтобы затем уже освободить ее от браслетов. Но избавлять ее от оков нужно было прямо сейчас. Поэтому он обыскал взглядом комнату в поисках заветных ключей. И, не обнаружив ничего, бросился в трапезный кабинет, где бросил Ладу.

Она сидела на диване, сжавшись в комок. Ее трясло от страха, лицо белое как полотно, губы синие.

– Где ключи? – остервенело взревел он, с трудом сдерживая себя, чтобы не обозвать ее дрянью или сукой.

– К-какие ключи? – заикаясь, спросила она.

– От наручников, ля!

– Н-не знаю...

– А кто знает?

– Захар...

– Подох твой Захар. И ты вместе с ним подохнешь!

Страшная угроза развязала ей язык.

– У него... В кармане... В пиджаке...

Тимофей полез в карман, на который она показала, нашел нужные ключи. Презрительно глянул на Ладу.

– А ведь знала, где они... Почему сразу не сказала?

– Э-забыла...

– Забыла она... Сука ты!

Он освободил сестру, нашел на полке шкафа ворох ее одежды, помог ей одеться.

– В больницу тебе надо...

Она не могла ничего сказать в ответ. Обняв его за шею, она рыдала. Ее тело трясло как в лихорадке.

– Уходим, – сказал Тимофей.

И повел ее к выходу, держа «Вальтер» на вытянутой руке. По пути он намеревался забрать с собой и Ладу, но не обнаружил ее в кабинете. И в зале кафе ее не было. Зато была распахнута настежь входная дверь, которую Тимофей – он точно помнил – закрывал за собой. Лада сбежала. И было бы глупо гнаться за ней...

Глава 4

Надя едва сдерживала слезы.

– Как нам теперь жить дальше? – взволнованно спросила она.

– Как жили, так и будем жить, – спокойно ответил Тимофей.

– Нет, я уже не смогу жить так, как раньше...

Трудно было назвать везением то, что ее миновала угроза гангрены. Руки у нее зажили, но душа вряд ли.

Она боялась оставаться одна и закатывала истерику, как только врачи начинали выгонять Тимофея из палаты. Но его все равно выгнали бы из больницы, если бы он не заплатил начальнику отделения. Надю перевели в отдельную палату, а он получил возможность дежурить возле нее.

Никто из медперсонала не знал, что бандиты изнасиловали ее. Не стал Тимофей распространяться об этом, чтобы не привлекать внимания со стороны органов правопорядка. И распухшие руки Нади объяснил тем, что девчонка случайно нашла наручники, так же случайно защелкнула их на себе, так в них и просидела целые сутки, дожидаясь, когда придет брат и освободит ее. Поверили ему врачи или нет, но в милицию не сообщали. Все правильно, их дело людей лечить, а не выяснять, что да как...

И родители его не знали, где он находится вместе с сестрой. Потому что никто не должен был знать о месте их пребывания – ни бандиты, ни милиция, которая, возможно, вышла на его след. Он подстраховался – уходя из кафе, вложил использованный «Вальтер» в руку покойного Захара. Но этого могло оказаться мало, чтобы замести след. Да и уцелевшие захаровские «быки» могут догадаться, кто растерзал их «стадо»...

– Ничего, не ты первая, не ты последняя. Все образуется...

Это был первый случай за четыре дня, когда она сама вызвала Тимофея на разговор. А так все время только и делала, что плакала, замкнувшись в себе. Значит, отпускает ее, если заговорила.

– Уехать я хочу из этого проклятого города, – расплакалась Надя.

– Везде одно и то же.

– Но унижали меня только здесь.

– Хорошо, уедем...

– Ты же со мной? Ты же меня не бросишь? – в страхе получить отказ, спросила она.

– Ни за что.

– Я знаю, ты самый лучший... А то, что тех скотов пострелял, правильно сделал.

– Может, правильно. Может, нет. Лучше назад не оглядываться.

– Да, надо забыть обо всем... Уезжать будем, домой зайдем, с родителями попрощаться надо. Прощаемся, уедем и новую жизнь начнем, правда?

– Правда.

– С Ладой прощаться будешь? – немного подумав, спросила Надя.

– А стоит? – внимательно посмотрел на нее Тимофей.

– Не знаю...

– И я не знаю... Не знаю, как она себя вела, там... Она же знала, где ты, что с тобой...

– Знала, – кивнула Надя.

– И ничем тебе не помогла.

– Пыталась помочь. Но Захар только над ней посмеялся. Сказал, что сама рядом со мной ляжет, если не заткнется... Он ее за человека не держал, ноги об нее вытирал... Он очень плохой человек. Или не человек...

– Нелюдь...

Лада и сама пострадала от Захара. Но все же она не стоила того, чтобы из-за нее пролилось столько крови. Тимофей считал, что свалял дурака, когда попытался остановить бандитов, с которыми Лада уезжала по доброй воле. Нарвался на грубость, заработал на орехи. Потом отомстил за себя. Но пострадала сестра. Вот здесь он уже точно не имел права останавливаться. Он не жалел, что спас Надю, наказал насильников... Нет, он правильно все сделал, но после определенного момента.

От раздумий Тимофея отвлекли голоса в коридоре. Какой-то мужчина что-то у кого-то спрашивал. Слов не разобрать, но интонация самоуверенного человека, привыкшего ставить себя выше других. Тимофей насторожился. Пистолета у него не было, и от окровавленной финки он избавился, но еще оставалась граната. Оружие отнюдь не точечное, но им можно устроить противника, вогнать его в ступор.

Он осторожно поднялся, встал за дверь. И когда она открылась, крепко сжал рычаг гранаты и вытащил чеку.

В палату стремительным шагом вошли два рослых типа в кожаных куртках. Не давая им опомниться, Тимофей прыгнул на одного со спины, одной рукой мертво обхватил его за шею, а вторую, с гранатой, поднес к лицу. Пусть видит, что предохранитель отсутствует. Жестко спросил:

– Кого ищем?

– Орлика, – испуганно пробормотал парень.

Его дружок полез под куртку, видимо, за пистолетом, но он же его и остановил.

– Боба, не надо! Это свои!

– Кто это свои? – возмущенно протянул Тимофей.

– Ты же Орлик, да?

– Ну я.

– Значит, свои... Это, Елизар тебя ищет. Поговорить с тобой хочет.

– Не знаю такого.

– Зато он про тебя знает... Бабу он твою нашел, она сказала...

– Какую бабу? Что сказала?

– Лада ее зовут. Она видела, как ты Захара увалил...

– Вранье.

– Да ты не бойся, Елизару только на руку, что Захара больше нет. Захар брата его кончил.

Елизар бы его за это сам сделал. А тут ты...

– Брата? Кожаная шляпа, кожаный плащ?

– Да.

– На какой машине он к Захару приезжал?

– «Бимер» «седьмой», ну, «БМВ»...

– Когда?

– В тот же день, как ты Захара сделал... Ты, наверное, видел все, да?

– Видел, как машина подъезжала...

– Лазарь к Захару по делам приехал перетереть, а эта падла зажмурила его... Мы бы сами Захара заглушили, если бы не ты... Ты это, гранату убери. А то если рванет, сеструху твою накроет...

Сложно было оспорить такой прогноз. Сам Тимофей смерти не очень боялся, но не мог позволить погибнуть сестре.

– И ее накроет. И меня. И тебя... Ты за себя бойся, парень... Почему я должен тебе верить?

– Да потому что я с тобой объясняюсь. Так бы Боба тебя давно уделал. Не станешь ты гранату рвать... Боба, покажи ствол!

Быстрым тренированным движением браток по кличке Боба вытащил из-под куртки пистолет, в движении передернул затвор, наставил ствол на Тимофея. И ему ничего не оставалось делать, как признать свое бессилие.

– Твоя взяла, – кивнул он.

– Погремушку убери, – криво усмехнулся Боба. – И слушай, что Гремлин тебе говорит...

Тимофей отпустил братка, но чеку в предохранитель вставлять не стал. Чтобы бандиты не расслаблялись.

Гремлин передернул плечами, крутанул могучей шеей, вправляя позвонки. Внимательно посмотрел на него.

– Лихо ты, Орлик, захаровских завалил...

– Не твое дело, – с улыбкой, но резко глянул на него Тимофей.

– Да нет, мое... Сестру они твою обидели, да?

– А это уже точно не твое дело.

– Зачем ершишься? – ухмыльнулся Гремлин. – Мы же теперь в одной упряжке.

– Кто тебе такое сказал?

– Елизар сказал. Он поговорить с тобой хочет. Поехали.

– А если не поеду?

– Тогда он сам к тебе приедет. Ты же без сестры отсюда не уйдешь, да?

– Это намек? – нахохлился Тимофей.

– На что?

– Только попробуйте тронуть ее!

– Даже пробовать не будем. С таким братом твоя сестра в полной безопасности...

Поехали, Елизар ждет.

Может, и намекал Гремлин на уязвимость Нади, может, нет, но так или иначе выбора у Тимофея не было. Разве что взорвать себя...

– Поехали, – кивнул, соглашаясь, он.

– Гранату спрячь.

– Когда к Елизару приедем, спрячу... Давайте, вперед.

На бетонном пяточке перед приемным pokojом стояла иномарка.

– Вы вперед, я назад, – распорядился Тимофей.

Гремлин и Боба переглянулись, но повиновались.

Первым не выдержал Боба. Машина уже шла по городским улицам, когда он вздернулся, вытащил из кобуры свой пистолет, протянул его Тимофею.

– Лучше пушку возьми. А гранату спрячь! Не могу так!..

– А я могу, – усмехнулся Тимофей.

Ствол он взял, но гранату не убрал.

– Ты чо, контуженный, в натуре? – раздраженно спросил Гремлин.

– Может быть. Только ты не спрашивай так, не надо. А то ведь я и обидеться могу.

Тимофей вставил на место предохранительную чеку, спрятал гранату в карман. Послышался дружный облегченный вздох. Гремлина и Бобу можно было понять: не очень приятное это дело сидеть на пороховой бочке.

Машина проехала мост через Оку, прошла по тряской брусчатке метров сто и свернула в проезд между старинными домами, находящийся в каких-то пятидесяти метрах от главных ворот кремля. Она уперлась в железные ворота, которые тут же начали медленно с лязгом открываться.

– Ствол давай! – потребовал Боба.

– Обойдешься, – мотнул головой Тимофей, рассматривая через окно мрачный двор, в одном углу которого стоял ржавеющий остов «Москвича», а другой был завален деревянными ящиками.

- Все равно ведь на входе отберут, – миролюбиво предупредил Гремлин.
- Куда мы приехали?
- Гостиница «Заболонь». И ресторан. Ты что, здесь никогда не был?
- Нет... А почему бардак здесь?
- Потому что это внутренний двор... Пушку давай.

Гремлин предупреждал не зря. За некрашеной железной дверью начинался длинный гулкий коридор. Запах гниющей капусты и плесени. Метра через два в облупленной стене находилась еще одна дверь, такая же затрапезная. Но за ней открывались виды, более приятные для глаз. Маленький холл с дубовыми панелями высотой в человеческий рост. Ковер на полу, бронзовые канделябры на стенах с ароматными свечами, под потолком хрустальная люстра. На диване сидели два крепких парня в черных двубортных костюмах. С появлением своих коллег они нехотя поднялись.

- Елизар на месте? – спросил Гремлин.
- Да. А это кто? – показывая на Тимофея, спросил охранник.
- Свои это. Орлик. Елизар его ждет.
- Пустой?
- Ну, если граната учебная, то пустой, – вымученно улыбнулся Боба.

Гранату пришлось отдать. Тимофея поверхностно обыскали, затем провели в следующее помещение, более богатое, но совершенно пустое. Гремлин показал ему на кожаный диван и, оставив с ним Боба, прошел дальше по галерее комнат.

Ждать пришлось долго, не меньше часа. Наконец бандитский босс по кличке Елизар соизволил принять гостя.

Он находился в просторном кабинете, через витринные окна которого просматривался зал ресторана. Здесь же была дверь, через которую можно было туда попасть напрямую, но Тимофея привели сюда через служебный ход.

Елизару было за сорок. Высокий худой мужчина с породистым лицом и глубокими залысинами на голове, которые совершенно его не портили. Неподвижное лицо, пыливый взгляд непроницаемых глаз, ястребиный нос, плотно сомкнутые губы. На нем был темно-серый костюм, но вместо рубашки с галстуком он носил черную водолазку с высоким горлом. На пальцах обеих рук массивные золотые печатки с крупными камнями.

Он смотрел на Тимофея в надежде увидеть страх или хотя бы робость в его глазах. Но он не доставил ему этого удовольствия. Он понимал, что целиком во власти этого страшного человека, но при этом ничуть его не боялся. Чему бывать, того не миновать...

– А что, все бандиты в ресторанах любят заседать? – спросил он, без приглашения усаживаясь в кресло поодаль от сервированного стола.

- А ты что-то имеешь против? – слегка шокированно посмотрел на него Елизар.

Похоже, он не ожидал столь вольного поведения со стороны гостя.

- Да нет, прикольно даже. Всегда сыт, всегда обогрет... Только охрана у тебя хреновая.

Елизара покорило то, что к нему обратились на «ты». Но Тимофею было все равно, кто и как о нем думает.

- Это ты о чем?

– Через ворота я бы перелез. Во дворе никого нет, дверь открыть не проблема, твои жлобы в прихожей на диване сидят. Встать бы не успели, если бы я с пистолетом был... До тебя бы в два счета дошел... Если бы захотел.

- Но ты этого не хочешь? – в раздумье спросил Елизар.

- А на кой ты мне нужен? У тебя свои дела, у меня свои...

- Какие у тебя дела?

- Пока никаких.

- На кого ты работаешь?

- На кого я могу работать? Я сам по себе.
- Захара зачем замочил?
- Кто тебе такое сказал?
- Но я то знаю.
- Ну, если знаешь, зачем спрашиваешь...
- У тебя конфликт с ним был. Сначала из-за девушки, потом из-за сестры... Круто ты с ним, очень круто... Мне сказали, что ты в Приднестровье служил, в четырнадцатой армии, два года так, еще два на сверхсрочной...
- Не было сверхсрочной, – покачал головой Тимофей. – Это я родителям так сказал. А на самом деле в теплых краях был.
- В теплых краях?
- Ну да, знаешь, как дикие гуси на зиму в теплые края улетают. И я диким гусем был. Наемников так называют, может, в курсе?
- Что-то слышал.
- В Боснии был, почти два года с хорватами стрелялся...
- Это интересно.
- Если честно, не очень. Война – дело грязное.
- Но ты же грязи не боишься?
- Нет. Но и копаться в ней надоело...
- Да, но и мирная жизнь не по тебе.
- Ну, точно не скажу...
- Я тебе точно скажу. Рисковый ты парень. По жизни рискованный. Засохнешь без риска...
- Может быть. Но это мои личные трудности.
- Да, но я могу тебе помочь.
- Елизар взял паузу, ожидая, как отреагирует Тимофей на эту прелюдию перед конкретным разговором. Но он промолчал, ничем не выдавая своего интереса.
- Будешь работать на меня, – не дождавшись отклика, продолжил авторитет.
- Не думаю, что это мне понравится.
- Нравится не нравится, а выбора у тебя нет.
- Почему?
- Потому что есть человек, который видел, как ты убил Захара. Этот человек может дать показания... Ты только не думай, я тебя не запугиваю. А если и запугиваю, то не тебя, а того самого человека. Догадываешься, о ком речь?
- Лада? – с видимым равнодушием спросил Тимофей.
- Красивая девушка. На «мисс Россия», может, и не потянет, а так очень даже ничего... Пока ты с нами, она будет молчать. Откажешься от нас, она заговорит. Ты меня понимаешь?
- Понимаю. Пусть говорит.
- В тюрьму хочешь? Так твой груз на высшую меру тянет. Я бы на твоём месте не торопился, умереть ты всегда успеешь.
- Не надо городить огород, – отрезал Тимофей. – Все равно наемным убийцей не буду. Он понимал, чего хочет от него Елизар и к чему это может его привести.
- Но ты же был наемником.
- То война была, а здесь другое.
- Что другое? Там убивают, здесь убивают. Там за деньги, здесь за деньги.
- Там в открытом бою, а здесь из-за угла.
- Но все равно же за деньги.
- Там братья-славяне. А здесь братья-бандиты, – усмехнулся Тимофей.
- Во-первых, мы не бандиты, и не надо нас так называть. А во-вторых, мы тоже славяне...
- Демагогия это. Сказал, не буду киллером, значит, не буду.

- И это твое последнее слово?
- Да. Если это тебе не нравится, можешь меня убить.
- Ты не боишься смерти?
- Боюсь. Тишины гробовой боюсь. А умирать не страшно.
- Врешь.

Тимофей молча пожал плечами. Не верит ему бандит, не надо...

- Но если не врешь, то тем лучше для тебя.

Глаза Елизара сверкнули ледяным блеском. Он неторопливо сунул руку под стол, извлек из какого-то тайника пистолет. Передернув затвор, наставил его на гостя. Весь его вид говорил о том, что сейчас прозвучит выстрел. Но Тимофей, не меняясь в лице, слегка прикрыл глаза, чтобы не видеть, как его палец выжмет слабину на спусковом крючке. Он не хотел пугливо вздрогнуть, когда это случится.

Конечно же, в какой-то степени он боялся смерти. Но еще страшнее для него было просить пощады.

Елизар нажал на какую-то кнопку, и в кабинет вошел его телохранитель.

- Степа, возьми подушку, приставь ее к затылку. А то кровь гобелен запачкает...

Теперь Тимофей знал, почему бандитский пахан не выстрелил сразу. Не хотел он портить бархат на стене за его спиной... Что ж, сейчас к его голове приложат подушку, чтобы кровь и серое вещество испачкали только ее. Тогда и прозвучит выстрел... Умирать так умирать. Жаль, Надя останется без присмотра. Но ничего, она обязательно что-нибудь придумает, выкрутится как-нибудь и без него...

- Эй, ты чего, заснул? – тронул его за плечо Елизар.

Тимофей открыл глаза и увидел, что у пахана нет пистолета. Он стоял перед ним и улыбался, в глазах удивление, густо замешанное на восхищении.

- Нет, только собирался.
- Вечным сном?
- Ну да.
- А тебе правда не страшно?
- Есть немного. Но в общем терпимо.
- Ты псих?
- Нет. А что, похоже?
- Я бы не сказал... У тебя железные нервы.
- Я их не вскрывал, не смотрел, из чего они.
- И не дурак... Да, от брата моего тебе благодарность. И от меня тоже.
- Я слышал, твоего брата Захар убил.
- Убил. И закопал. Но я все равно узнал. Хотел отомстить, но было уже поздно. Ты за моего брата отомстил.

- Я за свою сестру спрашивал.

– Все равно. Главное, результат... Захара больше нет. И кодла его сгинула вместе с ним. Но свято место пусто не бывает. Теперь мы его место держим.

- Флаг вам в руки.
- А ты бы не хотел за этот флаг подержаться?
- В смысле?

– А я тебе к себе возьму. Нет, не за деньги убивать... Я тебе по правде скажу, киллеров у нас не уважают... Но ты отказался, потому достоин уважения...

- И кем ты меня к себе возьмешь?

– А бригадиром и возьму. На бригаду тебя поставлю. Я вот думаю парней собрать, самых боевых, вроде тебя. Никаких других задач, только стрелки, разборки...

- Это как?

– Да так... Ты думаешь, я бандит. А нет, я князь. Мелкий пока князь, и княжество у меня пока мелкое. И дружина у меня должна быть. Боевая. Захара уже нет, но есть еще Ждан. Тоже мелкий князь. И у него тоже свое удельное княжество. Первомайский район города. У меня дружина, у него дружина. Если что не так, дружина на дружину, в чистом поле, в честном бою... Понимаешь?

– Мелкий князь, говоришь, – задумался Тимофей.

– А ты думаешь, что-то изменилось с древних времен? Сильные люди всегда стремились к власти. Чтобы земли свои, чтобы власть железная. А этого всего без боя не возьмешь. Как в Средние века было? Мелкие княжества, мелкие князьки. Один другого сожрал, затем еще одного, затем еще. Был мелким князьком, стал удельным, затем великим, а там и царем себя объявил. Как баронства в графства объединялись? Силой. А как графства в герцогства? Тоже силой! И так дальше, до большого государства. Великобритания, Франция, Германия, наконец...

– Да, но у нас есть государство. Россия.

– Государство есть, а власть слабая. Потому все тянут одеяла на себя. Потому и беспредел везде творится... А мы этому беспределу положим конец. На область замахиваться не будем, а Заболонь под себя возьмем. Захара ты уже убрал, и за Жданом дело не станет. Никаких больше мелких князьков, только я, уже не мелкий. А ты от меня по правую руку... Мы же с тобой сильные люди, нам с тобой и рулить...

– А городской глава? А милиция? – в раздумье спросил Тимофей.

– Мэр – слабак, а в ментовке – продажные шкуры. Потому все здесь продается и покупается. Только сильные люди не продаются. Потому и сильные они... В любом случае, выбора у тебя нет. Или с нами, или вообще никак...

– Зачем ты так? – Тимофей укоризненно посмотрел на Елизара.

Не надо было пахану ставить его перед выбором. Он и без того был согласен с ним. Миром действительно правят сильные, а слабые могут только изображать власть. Правильно говорит Елизар, что раньше были удельные князья, что сейчас. Только в Средние века они присоединяли к себе соседние земли на законном, можно сказать, основании. А сейчас бандиты гребут под себя все противозаконно, но опять же, по праву сильного. В то время как слабые сидят дома и жалуются друг другу на бандитский беспредел. А ведь не братва в том, по большому счету, виновата, а слабая власть, которая не в состоянии справиться с ней...

– Мне нужно твое согласие, – Елизар пристально посмотрел на Тимофея.

– Я согласен, – кивнул он.

Бандитом он становиться не хотел. Во всяком случае, таким подонком, каким был Захар. Не хотел убивать невинных и насиловать женщин. Но совсем не обязательно становиться ублюдком без чести и совести. Бывают же благородные бандиты, Робин Гуд, например... А то, что придется убивать, это его не смущало. Ведь убивать придется людей, которые знают, на что идут.

Скорее всего, он делал большую ошибку, принимая предложение Елизара, но он действительно сильный человек. И ему действительно неинтересна жизнь, лишенная риска и боевого азарта...

Глава 5

Город вокруг детинца был затянут черным дымом. Горели дома, горели постройки, во дворах и на улочках лежали мертвые тела. Беда пришла в Заболонь, большая беда. Враг напал на город, случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Непokoйная русская земля, неспокойно здесь от алчности удельных князей и наместных бояр...

Тимофей чувствовал за собой вину. Не надо было ему идти войной на Захара. Но что случилось, того назад не воротишь. Взял он меч в руки, забросил за спину колчан с тугим луком и длинными стрелами. Темной ночью перемахнул через низкий частокол городского острога, затем перелез через более высокую ограду детинца, порешил одинокого стражника, ворвался в гридницу – меч наголо, горячая кровь бьет в голову... Никто не уцелел в тереме, где жили дружинники Захара. В том же тереме Тимофей нашел и свою сестру Власту. Вдоволь поиздевались над ней ратники боярские, унижали ее, как могли. Но за то воздалось им сторицей. Не ушел от возмездия и сам Захар, которого Тимофей застал в опочивальне с Ладой в обнимку...

А потом появился боярин Елизар со своим воинством. Как узнал, что нет больше Захара, так и прискакал. Был у него с Тимофеем долгий разговор. После чего поставил Елизар на Заболонь своего наместника – Федота Печника, а дружину его возглавил Тимофей. Не мог Елизар обойти вниманием героя, в одиночку сумевшего положить конец своеволию развратного Захара и его непутевого воинства.

Но не только Елизар хотел занять Заболонь. Свои виды на обезглавленные владения имел другой соседний боярин. Ждан пытался договориться с Елизаром миром – поделить заболонские земли пополам, но, получив отказ, навалился на город всей своей ратью. Еще привел за собой сборное войско из холопов своих. Десятка два конных латников и пять-шесть дюжин из подневольного сословия. А у Тимофея под рукой всего восемь ратников из дружины Елизара. Хорошо, вовремя получил он сигнал об опасности, вовремя завел горожан за стены боярской крепости. И в ополчении у него не меньше полусотни охотников, крестьян и ремесленников. Кто-то из лука горазд стрелять, кто-то топором может рубить, а кто-то вилами готов сражаться с врагом.

– Что делать будем, друже? – спросил Федот.

Как и Тимофей, он был закован в броню – «железная рубаха», нагрудник, боевые перчатки, шлем с кольчужной сеткой, овальный щит с медной бляхой посередине. Он был могуч телом, владел мечом, но еще никогда не приходилось ему оборонять крепости. В набегах участвовал, а под осадой никогда не стоял. Зато Тимофей в свое время полной ложкой хлебнул такой радости. Богатый у него боевой опыт, и воин он сильный – не зря Елизар обласкал его своей милостью. Вернее, сейчас ему приходилось доказывать, что не зря.

– Ополчения у нас довольно, – в раздумье сказал Тимофей. – Но что это против конной дружины? Если с «бараном» пойдут, можем и не устоять...

Пока что пожар бушевал только в городе, на боярском дворе огонь со стрел успешно тушили водой и песком. Возможно, с тем же успехом с огнем будут бороться и впредь. Еда есть, вода тоже, осаду можно держать несколько дней. Там, глядишь, и Елизар со своей дружиной поспеет. Но вряд ли Ждан захочет ждать, когда подойдет против него подмога. Наверняка он уже готовится к штурму. Сквозь дым над городом видно, как ополченцы из его войска тащат к городу большое бревно, слышно, как стучат молоты. Не иначе как Ждан стенобитного «барана» к бою готовит. Таран – штука серьезная, если правильно его построить, то ворота крепости не выдержат. Сначала на штурм пойдут ополченцы, а потом в пробитую брешь хлынет конная дружина. Ратники у Ждана знатные, военному делу в боях обучены.

– Должны устоять, – покачал головой Федот.

– Сделаю все, что в моих силах, – заверил его Тимофей.

– И то дело, – кивнул посадник.

И, сглотнув слюну, предложил:

– Кваску пойдем хлебнем, воевода.

Они спустились с вышки, обошли стены по верхнему ярусу, затем зашли в боярский терем. Там и столкнулись они с Ладой, которую Федот сделал зачем-то ключницей при своем дворе. Впрочем, Тимофей знал, зачем.

Не такой уж честной и беспорочной была она, какой хотела казаться, когда с позором вернулась домой после блудного приключения с Захаром. Пока Тимофей прятался в лесу после первого своего победного сражения с враждебными ратниками, боярин увез к себе в палаты Власту, чтобы надругаться и обесчестить. Лада отправилась к нему – якобы для того, чтобы выручить Власту, но сама оказалась в боярской опочивальне... Теперь вот с Федотом хоровадит. И удивляться нечему. Она первая красавица при его дворе, и волос у нее распущенный. Как не приблизить ее к себе, как не приласкать.

– Лада, зорька моя! – просиял Печник и по-хозяйски облапал девушку – обнял за талию, привлек к себе.

Но Лада не стерпела такой вольности, вырвалась из объятий.

– Не хочу с тобой! – гневно нахмурила она густые брови.

– А с кем хочешь? – удивился Федот.

– С ним! – гордо вскинув голову, сказала она.

И взглядом показала на Тимофея.

Она уже знала, за кого ее держат при дворе. И, пожалуй, смирилась с участью первой блудницы. Но, видимо, при этом она считала, что есть у нее право выбирать.

– Думай, что говоришь, девка! – нахмурившись, молвил Тимофей.

Где-то в душе он был тому рад, что Лада тянется к нему, что не боится бросить вызов боярскому посаднику. Но не того она поля ягода, что идти из-за нее на раздор с Федотом.

– Рассорить нас хочешь? – резко спросил он.

– Нет.

Смутившись, Лада опустила глазки. И тем самым немного смягчила его сердце.

– Тогда зачем глупости говоришь?

– Может, потому, что глупая.

– Дурная баба, – благодушно подтвердил Федот. – Потому и дурь на языке... Но если она с тобой хочет, друже, пусть будет с тобой. Если врага одолеешь, так за нее и возьмешься... Вот здесь хорошо братья...

Он попытался хлопнуть Ладу по задним округлостям, но девушка ловко увернулась. Не позволила ему показать, за какие прелести лучше всего взяться рукой. Впрочем, Тимофей сам знал, с чего начать любовную беседу с ней. И почему бы не заняться распутной красоткой?.. Вот одержит победу над вражеской ратью, так сразу и займется...

– Вели нам квасу ржаного подать, – обращаясь к ней, распорядился Федот.

Судя по его угрюмо-сосредоточенному виду, он больше не думал о постельных утехах. Квасу бы напиток да обратно на стены.

Лада не заставила себя ждать. Квас был холодным, бодрящим. А сама она так огненно смотрела на Тимофея, что кровь в жилах закипала. Закрыться бы с ней где-нибудь в опочивальне и дать волю своим страстям... Но нельзя расслабляться. Да и на стены спешить надо, враг может начать штурм в любое время.

Он выходил из светлицы, когда уловил позади себя едва уловимый шорох одежд. Это Лада подступила к нему так невесомо легко, что ни одна половица не скрипнула под ее ногами. Только слышно было, как шелестит ее одежда – возможно, оттого, что слишком высоко и быстро вздымается ее грудь от жаркого дыхания. У него едва не закружилась голова от волну-

ющего запаха ее волос и желанного тела... Хоть и срамница она, но как же сильно будоражит чувства и пьянит кровь...

Она легко коснулась его руки. Даже под железом кольчуги он ощутил тепло ее пальцев. По телу пробежал приятный холодок...

– Возвращайся! – прошептала она. – Я буду ждать.

Тимофей не обернулся. И даже отдернул руку, к которой она прикоснулась. Всем видом он давал понять, что ей должно знать свое место. Каждый сверчок – знай свой шесток. Пусть ждет, если хочет. А решать будет он, идти к ней со своей любовью или нет...

Дома окрест детинца догорели, дым рассеялся в сгущающихся сумерках, когда Ждан решился на штурм. Лучники его подневольного воинства осыпали крепость стрелами, а пешие ратники ринулись на приступ, прокладывая себе путь таранным бревном, укрытым деревянной крышей подвижного сооружения. И лестницы в ход пошли, и горящие факелы, которыми вражеские ополченцы попытались вызвать пожар внутри крепости.

Пожара удалось избежать, лестницы были сброшены в крепостной ров, но таран все же сыграл свою пагубную роль в этой кровавой драме. К тому времени Ждан потерял большую часть своих ополченцев, на больше чем на треть сократил численность защитников детинца. Обескровил подвластную Тимофеею рать и бросил в бой своих конных дружинников. Двоих всадников удалось выбить из седла стрелами еще до того, как скачущий ураган достиг распахнутых ворот. Еще троих порешили топорами и вилами, когда конная рать протискивалась через проход. Но потом латники запрудили двор, растащили на себя защитников крепости, и пошла такая резня, что страшно было бы стоять на вышке и смотреть, как гибнут люди. Но Тимофей и не стоял на вышке. Рука об руку с Федотом, в окружении уцелевших дружинников, он оборонял вход в боярские палаты.

Вражеские конники спешили перед высоким, заваленным бревнами крыльцом, сбивались в кучу и с устрашающим воем бросались на обороняющихся воинов. Из окон с плохеньких луков стреляла челядь, но это лишь помогало умирять малую, но назойливую численность вражеских стрелков, оседлавших взятые стены.

Тимофей знал, чем грозит ему поражение. Умирать он не хотел, поэтому бился как лев, загнанный в угол. Падали замертво его враги, но редели ряды его соратников. Вот и Федот упал, сраженный мечом. Дюжий воин из вражьего племени с воем вогнал ему в живот острый клинок. Но головы на плечах не удержал – срезал ее Тимофей одним махом.

Враг должен был уменьшаться в числе, но латников почему-то становилось все больше. Настал момент, когда Тимофей остался один. Крыльцо удержать он уже не мог, обороняясь, втянулся в сени, спиной уперся в рубленный угол. Израненный, он истекал кровью, но бился изо всех сил, как человек, которому уже нечего терять.

Клинок вражеского меча вонзился ему в правую ногу. Падая на колено, он сумел отогнать супостата. Отбил еще один удар, еще... Но кто-то вознес над ним копьё. Этот удар он еще сможет отбить, но дальше все.

Но где-то во дворе тревожно взвыли боевые трубы, послышался чей-то густой взволнованный голос:

– Уходим!

Трое из нападавших ринулись к выходу, но двое других попытались добить обороняющегося воина, оказавшегося в безвыходном, как виделось, положении. Но двое – не пятеро, просвет в грозовой туче вдохновил Тимофея, и он ухитрился покалечить мечом незащищенную ногу одного из своих противников.

Враг отступил. И только он исчез из виду, как Тимофей без чувств рухнул на окровавленный пол.

Очнулся он в своей светелке, в тереме второго этажа боярских палат. У изголовья его ложа сидела Власта с мокрым полотенцем в руке. Чуть поодаль от себя он увидел и Ладу.

Она толкла что-то в глиняной ступке деревянным пестом. Комнату заполнял приятный запах целебных трав.

Власта обрадовалась тому, что брат пришел в себя, засуетилась, захлопотала.

– Пятый день уже без чувств лежишь. Совсем плохой был. Лада мазь целебную приготовила. Раны затягиваются, а ты все как не живой. Слава Богу, ожил!..

– А по-другому и быть не могло, – через силу улыбнулся Тимофей.

Огнем жгла рана на боку, ныла рассеченная нога, а прокол на шее от стрелы он почти не чувствовал. И тело, в общем-то, послушно ему – он мог шевелить и руками, и обеими ногами, даже той, которую покалечили в бою. И тело жаром не полыхало, дышалось легко и свободно.

– Тебе без меня худо будет, – сказал он.

Власта поняла, что он имел в виду, и вспыхнула, пряча в подол глаза.

Обесчестил ее Захар со своими паскудниками, отвернулись от нее женихи, злопыхатели тычут пальцем ей в спину. Никому она теперь не нужна, кроме матери, сестры и брата. И насмехаться над ней будут в открытую, если за ее спиной не будет маячить грозная фигура Тимофея. За ним она как за каменной стеной, а без него – пропащая девка. Такая же пропащая, как и Лада. Людям-то все равно, кто по своей воле боярина тешил, а кто насильно...

– Много не говори, тебе силы беречь надо, – подсев к нему, с улыбкой сказала Лада.

– Не тебе указывать, – нахмурился Тимофей.

– Зачем ты так? – осадил его Власта. – Она тебе жизнь спасла своими мазями. Травник тебя боярский лечил, чуть не сгорел ты от его снадобий. А Лада свою мазь приготовила, и жар спал, и раны затягиваются. И говорить уже можешь...

– Пусть говорит, – мило улыбнулась Лада.

Казалось, она ничуть не обиделась на его грубость. Не в ее положении обижаться, мысленно заметил Тимофей.

– Пусть говорит, что хочет. Все равно ему от меня никуда не деться. Я теперь с ним неотступно буду...

Она говорила мягко, ласково, но ее слова звучали как заклятие. Тимофею даже стало не по себе. Никуда ему от Лады не деться... Но успокоился он довольно быстро. Пусть вешается ему на шею, пусть – он будет этому только рад. Только вот на брачный венец пусть не рассчитывает...

Елизар вошел в терем широким, по-хозяйски твердым шагом. С его появлением девушки куда-то исчезли. Власта боялась боярина, а у Лады, видимо, не было желания быть им совращенной. А Елизар хоть и не молод, но до девок, говорят, охоч.

Тимофей уже знал, кому обязан был своим спасением. Это Елизар вспугнул Ждана. Хоть и не совсем ко времени боярин подоспел к городу со своей дружиной, но врага прогнал. Потому и не добились Тимофея, потому и жив он сейчас, хоть и сильно изранен.

– Как жив-здоров? – спросил боярин, похвально глядя на Тимофея. – Думаю, что скоро встану на ноги.

– Давай, давай, время не ждет. Дел у тебя тьма-тьмушая.

– Каких дел?

– Город мы отбили, но Ждан, говорят, новое войско собирать надумал. Нейдется ему, Заболонь хочет к рукам прибраться. – А есть то, что к рукам прибирать? Все ж пожгли эти изверги.

– Все, да не все. Лес есть, город заново отстроишь. Крепость укрепишь, острог сильный поставишь. Ждан хоть бросил клич, но я не думаю, что в поход он скоро пойдет. Много ты ему людей порубил, ополовинил его дружину. Холопов он быстро соберет, а гридней добрых так просто не сыскать... И у тебя такая же незадача, дружину тебе собирать надо, ратников учить, стены крепить и высить. Нелегкое это дело, сам должен понимать. Но как бы то ни было,

засучивай рукава, брат мой Орлик, и берись за дело. Время, сам понимаешь, ждать не будет... На Заболонь я тебя сажаю, верховодить здесь будешь от моего имени...

– Не могу я так, – покачал головой Тимофей.

– Почему? – натянутыми луками изогнул брови Елизар.

– Потому что недостоин. Не захотят меня люди. Это из-за меня сыр-бор ведь разгорелся.

Был бы Захар, не пошел бы Ждан на Заболонь.

– Брось, пустое! – нахмурился Елизар. – Не думай о том, что было. Думай о том, что будет...

– А что будет?

– Большое дело будет! Ждан точит на меня ножи, так мы сами его на ножи поставим.

Возьмем его Ревень, посадим своего человека...

– Большая вотчина у тебя будет.

– Что вотчина, – усмехнулся Елизар. – Княжество будет, сам князем стану...

– Высокого полета птица должна высоко лететь.

– Полетим. Вместе полетим. Боярином тебя своим сделаю... Большие замыслы у меня, брат мой Орлик. Власть в Киеве слабая, в Рязани слабеет, брат на брата войной идет, большое княжество на части рвут. И нельзя нам сейчас в дураках остаться. На свою пирожную долю поспеть надо.

– Власть – тяжелое дело, если ее много, надорваться можно.

– Это ты верно рассуждаешь, – кивнул, соглашаясь, Елизар. – Потому и сажаю тебя на Заболонь, что голова у тебя светлая... Много власти слабыми руками не унести. Сила нам нужна. А она – в таких людях, как ты. Чем больше таких молодцев у меня, тем я сильнее буду... Ты уж не подведи меня, Орлик. Дам тебе власть, а ты ее, будь добр, удержи...

– Все сделаю, князь. Все как скажешь сделаю...

Елизару понравилось, что его назвали князем. И он сам в ответ польстил Тимофею. – Поскорей выздоравливай, боярин. Сделай вотчину свою крепкой, пусть она костью встанет в горле алчного Ждана...

Самому Елизару алчности было не занимать. Но было бы непростительно глупо указывать ему на это. Каким бы ни был Елизар, какие бы завоевания ни замышлял, он посадил Тимофея на Заболонь, он сделал его первым человеком в городе и окрестных селениях. Пусть и не признана его власть законным рязанским князем, но его достоинства это не умаляет. Будет и власть, будет и признание. Главное, нужно поднять Заболонь, сделать его неприступной твердыней на пути Ждана и ему подобных...

Глава 6

Лада ничуть не стеснялась выставлять свою наготу в свете утреннего солнца. Более того, она любила ходить по квартире голышом. Шторы в сторону, окно нараспашку... Возможно, за ней наблюдает кто-то из жильцов соседнего дома, но ей все равно. Она великолепна, ее чудесное тело лишено каких бы то ни было изъянов. Крупная красивая грудь, тонкая талия, бедра, как у Афродиты, ноги длинные, ровные. Что в профиль, что анфас – не налюбуйешься.

Не очень высокого мнения был о ней Тимофей, но это не мешало ему оценивать ее женское достоинство по высшему баллу. Второй месяц он уже с ней, а все не устает наслаждаться ею.

Она могла достаться ему как приз победителю. Была «стрелка» с братвой Ждана, был разговор на повышенных тонах. Как в старой песне – там вдали за рекой... завязалась кровавая битва... Не повезло тогда Тимофею и его бойцам, ждановская братва отказалась едва ли не на голову сильнее. Чудом он тогда уцелел. Но и без последствий не обошлось. Одна пуля застряла в боку, другая засела в ноге...

Не досталась ему Лада в качестве призовых. Но она сама пришла к нему в больницу, обогрела, приласкала. С ней же он и в Сочи на курорт съездил, чтобы совсем уж раны залечить. Отгуляли они там на славу. Но и после бурного отдыха Лада ему совсем не надоела. Здесь, в Заболони оставил ее при себе.

Когда-то она воротила от него нос. Но сейчас – сама покорность и само послушание. Тимофей даже не спрашивал у нее, почему так резко изменилось ее отношение к нему. И так было ясно. Ладу привлекали крутые парни, только перед ними она благоговела. А остальных и в грош не ставила. Тимофей не смог доказать свою крутость в первом своем бою с захаровскими «быками». Зато показал свою силу, когда кончил Захара на глазах у Лады. С тех пор она страшно боялась его. И так же страшно уважала. И в постели она была заводной, особенно первое время, когда не совсем затянулись раны. Иногда так входила в раж, что все повязки больничные набекрень, сукровица, все такое...

И еще ей нравилось жить с ним, потому что у него была своя квартира. Вернее, не совсем своя, зато двухкомнатная, с ремонтом, обстановкой. Он мог позволить себе снимать ее за приличные деньги. Хоть он и проиграл «стрелку» с ждановскими, Елизар все равно держал его на особом счету. Три бойца у него в подчинении, если вдруг что, он снова получит команду «фас» и рванет на разборку с конкурентами. Но сегодня у него выходной. Сегодня он будет пить пиво и любить Ладу.

Какое-то время она без дела стояла перед зеркалом, затем стала расчесывать волосы. Делала она это с таким видом, как будто получала от этого эротическое наслаждение – глаза полужакрыты, на губах томная улыбка, от жаркого дыхания грудь вздымается часто и высоко, звук мурчащей кошки. Глядя на нее, Тимофей ощутил резкий прилив настроения.

– Ты это нарочно? – спросил он.

Подождал к ней сзади, руками огладил ее упругие полушария.

– Хочу тебя... – выгибая спину дугой, прошептала она.

– Тогда получай. Меня...

Он тоже ходил по дому, не отягощая себя одеждой. Сейчас на нем был только банный халат, на голое тело. Так что он тоже, считай, в полной боевой готовности...

Срывая с него халат, Лада увлекла его к дивану. Падая на живот, пальцами коснулась клавиши стоявшего на полу магнитофона. Из колонок полилась медленная и очень мелодичная музыка, сдобренная волнующими охами и стонами. Под такой аккомпанемент и у мертвого осла уши встанут...

Прошло совсем немного времени, когда Лада добавила свою, живую скрипку в эту эротическую симфонию. Звучала она громко, воодушевленно и, что само главное, искренне...

Тимофей бил в барабан. До финала оставалось совсем чуть-чуть. Вот-вот загремят литавры и зазвучит барабанная дробь... Но чьи-то сильные руки вдруг схватили его за шею, сорвали с Лады, швырнули на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.